

ЕЛЕНА
МИХАЛКОВА

Пирог из горького миндаля

Расследования Макара Илюшина и Сергея Бабкина

Елена Михалкова

Пирог из горького миндаля

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

Михалкова Е. И.

Пирог из горького миндаля / Е. И. Михалкова — «АСТ»,
2017 — (Расследования Макара Илюшина и Сергея Бабкина)

ISBN 978-5-17-097456-6

На фотографии – большая дружная семья. Симпатичные взрослые, милые дети. Величественный старик смотрит сурово и прямо. Среди них – убийца и жертва. Беззаботное лето в деревенском доме вдруг превращается в триллер, ближайшие родственники – в непримиримых врагов, а желание понравиться бабушке – в гонку на выживание. Семейный пирог невыносимо горчит. Сможет ли убийца стереть с себя страшное клеймо? Найдутся ли пропавшие драгоценности? Частные детективы Макар Илюшин и Сергей Бабкин берутся за дело пятнадцатилетней давности.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097456-6

© Михалкова Е. И., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
1	6
2	8
Глава 2	12
1	12
2	12
3	21
Глава 3	23
1	23
2	24
3	26
Глава 4	30
1	30
2	32
2	34
3	37
Глава 5	39
1	39
Глава 6	44
1	44
2	47
3	50
Глава 7	52
1	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Елена Михалкова

Пирог из горького миндаля

© Михалкова Е., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Фотография не выцвела со временем. Даже как будто стала ярче, и сейчас, когда я держу ее в руках, меня не оставляет мысль, что часть наших жизней перетекла в нее и навсегда осталась на глянцевом листе. Фотограф был тот еще колдун.

Вот и он сам, в центре – смотрит в объектив с понимающей усмешкой. На официальных снимках его лицо дышит благородством, а собственная камера поймала хозяина таким, каким он был в ту минуту: злым, веселым, упивающимся своей игрой. Отчего он не пожелал прикидываться, как всегда?

У меня есть объяснение.

Возможно, в кои-то веки он на секунду приоткрыл свое настоящее лицо, потому что вокруг собрались одни притворщики. Его позабавила идея сыграть на контрасте.

А теперь смотрите внимательно.

На снимке нас двенадцать – дюжина лжецов. Мы сгруппировались вокруг сидящего в кресле величественного старика: пятеро детей, шестеро взрослых – и он. Большая дружная семья! И заметьте, все улыбаются, кроме одной девочки. Она смотрит в камеру так, словно догадывается, что должно произойти.

Впрочем, это ни для кого не секрет. Я расскажу, что случится вскоре после щелчка затвора. Знаете, что вы видите на самом деле вместо большой дружной семьи?

Вы видите жертву, преступника и свидетелей.

Говорят, у каждой семьи есть свои скелеты в шкафу. Но открыв наш гардероб, вы обнаружите за дверцей небольшое ухоженное кладбище. Знаете, как это бывает – у одних в шкафах Нарния, а у других торчат кресты на погосте.

На снимке мы улыбаемся в камеру – все, кроме единственного испуганного ребенка.

Один из нас вскоре будет мертв. Тот, кто убьет его, стоит в шаге от будущей жертвы.

Обстоятельства, при которых произошло преступление, и его причины известны мне лучше, чем кому-либо другому.

Потому что убийца – это я, и это моя история.

Часть 1

Глава 1

2000 год

1

– У старухи черный дом! Она служит в черной комнате черную мессу!

Таинственный Женькин шепот проникает в самое сердце, и внутри становится сладко до ужаса.

– Черная старуха идет по черной-черной улице. Она сжимает черный-черный нож! Она ищет черную кошку!

– Фигня!

Белокурая девочка потянулась и демонстративно зевнула.

– Фигня? – Рассказчица прищурилась и обернулась к другой слушательнице. – Тоже считаешь, что я вру?

По правде говоря, Тишка так и думала. Но когда тебе двенадцать, а твоей двоюродной сестре четырнадцать, спорить с ней осмелится лишь человек, который совсем-совсем не боится черной старухи.

– Изо-ольда! – шепчет Женька специальным голосом, от которого мурашки по коже. – Она родилась ведьмой в Польше сто сорок лет назад!

Каждое утро Изольда Андреевна Дарницкая проходит мимо их дома – сутулый стервятник, водрузивший на голову шляпу со страусиным пером. На скрюченных пальцах сияют перстни. Мочки пятнистых ушей оттянуты серьгами, сверкающими как мартовские сосульки. Иногда на шляпу цепляется ажурный зонтик от солнца: Изольда утверждает, что так меньше портится кожа.

Вокруг ее ног шуршит юбка из черной тафты, на плечах серебрится шаль с люрексом. Изольда наносит визиты знакомым.

Старуха напоминала бы городскую сумасшедшую, если б не ее манера разговаривать, высокомерная до такой степени, что собеседник невольно ощущал себя глупцом. Изольда не общалась – она снисходила. Не здоровалась – награждала своим вниманием.

– Я ведь певица, – хрипло говорит Изольда Тишкиной бабушке и выпускает дым из пунцовых губ. – У нас с Всевышним особые отношения. Мы – божьи дудочки. Господни тростники, через которые в мир льется его мелодия.

Все-таки она была совершенно чокнутой.

И как утверждали в поселке – невероятно, сказочно богатой.

Врали, разумеется. Откуда взяться сказочному богатству у бывшей исполнительницы романсов, давно потерявшей голос. Но все эти перстни, духи, шелестящие платья, огромный таинственный дом, в который никому не было доступа, кроме ее единственного сына – позднего болезненного ребенка, красивого какой-то ущербной красотой... Все это порождало слухи. Безумные, как и сама Изольда Дарницкая.

– У нее дома алтарь, – говорит Женька, – перед алтарем ковер, в ковре живут мертвые пчелы. Они делают мертвый мед. Она обмазывает им губы и кого поцелует, тот сам придет к ней ночью и останется навсегда.

– Зачем ей люди? – Вероника села на траву и обхватила колени тонкими белыми руками.

– Лучше тебе не знать. В полнолуние к ней является черный лекарь и приносит синеглазую жабу. Ее кожа обжигает! Дотронешься голыми руками, будут волдыри.

Тишка вспомнила, что старуху и впрямь часто видели в кружевных перчатках. Она вопросительно взглянула на Веронику, ожидая, не последует ли опровержения. Но та молчала.

– В ночь с четверга на пятницу у жабы вспучивает брюхо и ее тошнит драгоценным кольцом. Или серьгой!

Тишка от восторга затаила дыхание. Последовательница Джеральда Даррелла, она многое отдала бы за то, чтобы увидеть это уникальное земноводное.

– А охраняют жабу кошки с рыбьими глазами. Если они оцарапают человека, у него в горле вырастут водоросли, и он умрет!

– Завралась, – констатировала Вероника. Вытащила из кармана расческу и принялась водить по своим дивным волосам.

Женька сощурилась:

– Легко проверить!

– Как это?

– Пошли со мной к Изольде!

Вероника пожала плечами:

– Она тебя не пустит. Она никого не пускает.

– А я не спрошу!

Повисло молчание.

Тишка первая сообразила, что предлагает старшая из сестер.

– Ты хочешь... хочешь залезть к ней? Как вор?

– Как археолог! – поправила Женька. – Изольда уже давно ходячий труп. Значит, ее дом – это гробница!

Вероника даже расчесываться перестала.

– Совсем больная!

Старшая сестра не удостоила ее ответом.

– Пойдешь со мной?

Прямой твердый взгляд устремлен на Тишку. Девочка почувствовала, что сердце стукнуло где-то в желудке.

– Ты не залезешь! – вмешалась Вероника. – Она всегда запирает окна!

Женькина улыбка стала шире:

– Все, кроме чердачного!

Девочка замолчала.

– На заднем дворе растет старая черемуха, – жарко зашептала Женька, склонившись к Тишке. – Можно пробраться по ветке до окна. Она выдержит!

– Откуда знаешь? – тоже шепотом крикнула Вероника.

– Уже пробовала. Окно Изольда всегда держит открытым. Она не боится воров. Но мы же не воры!

«Мы не воры!» – повторила про себя Тишка.

– Старуха уходит в гости ровно в одиннадцать. Почему?

– Почему? – замороженно повторила Тишка.

– Потому что в десять тридцать заканчивается радиопередача «Золотой век романа». Полчаса старуха собирается, затем выходит из дома. Помните про чердачное окно? Оно открыто. Изольда возвращается через пару часов, но иногда гуляет и дольше.

Женька шептала очень быстро. Тишку поразила ее осведомленность.

– Мы дождемся одиннадцати, заберемся в дом, распугаем кошек и найдем волшебную жабу, – уверенно закончила Женька.

– Брать ничего не станем, только посмотрим, – неожиданно для себя сказала Тишка.

И лишь поймав испуганный взгляд Вероники, поняла, на что она согласилась.

2

«Завтра выдвигаемся», – сказала Женя после ужина.

И это по-военному четкое «выдвигаемся» прозвучало так веско, что Тишка даже спину выпрямила. Есть, мой генерал!

С одной стороны, интересно – ужас как! Они попадут в логово ведьмы!

С другой, страшно до того, что дух захватывает. Как в парке на американских горках, когда твой вагончик притормаживает перед бездной. В этот миг всегда хочется отменить уже случившееся. Но поздно: несешься вниз, вопя от восторга и страха.

Так и с Женькой. Тишка прикинула, не сказать ли наутро больной. Но стоило ей вообразить презрительно изогнувшиеся Женькины губы, ее надменное молчание...

В глубине души Тишка понимала, что в дедовом доме она чужак. Со стороны могло показаться, что здесь живет пятеро детей. Но внутри царила безжалостная арифметика, разбивавшая пять на три и два. Двое «странненьких» – Тишка и Лелик. И трое прекрасных, здоровых, качественных подростков – Вероника, Пашка и, разумеется, Женя.

Женька выбрала для своей авантюры не кого-нибудь, а Тишку. И это было не просто предложение, а мостик, перекинутый над пропастью, разделявшей неудачников и счастливых.

Не то чтобы Тишке очень хотелось присоединиться к этой компании. Но для ее мамы это почему-то было важно. Тишка смутно угадывала, что не оправдывает ожиданий. Поход к Изольде должен все изменить.

С утра набежали облака, быстро стемнело и в воздухе запахло близким дождем. Стрелка барометра качнулась к осадкам.

– Идем быстрее, – шепнула Женька после завтрака. – Вдруг Изольда раньше вернется!

Их никто не остановил. Вероника валялась на кровати в наушниках, Пашка после завтрака исчез. Про Лелика и говорить нечего. «Сидит в своей комнате, птичек рисует», – подумала Тишка. На миг ее охватило острое чувство зависти. Лелику не нужно никому ничего доказывать. Но она представила жабу, выталкивающую из пасти сияющее кольцо с изумрудом, и кинулась следом за Женькой.

К дому Изольды подошли как ни в чем не бывало, словно прогуливаясь. Тишке показалось, что вокруг полно невидимых любопытных глаз. Ощущение было таким явственным, что мурашки побежали по коже.

– Обойдем забор, как будто мы к Прокофьевым, – спокойно сказала Женя. – А там срежем путь.

Девочки свернули в проулок. Прокофьевы, соседи Изольды, приезжали только на выходные. Некому поймать за руку двух подростков, шныряющих по чужим садам.

Они перемахнули через калитку, пробежали между вишен и низкорослых раскидистых слив с побеленными стволами. На дощатый забор влезли без труда и, балансируя, шли друг за дружкой, пока не уперлись в старую черемуху. Тишка была так поглощена тем, чтобы не оступиться, что почти забыла о цели их путешествия.

Вспомнила лишь тогда, когда Женька шикнула на нее:

– Тихо!

В переулке кто-то показался.

Девочка юркнула вверх по веткам. Ей послышался невдалеке приглушенный свист, словно ветер командовал сквознякам готовиться к нападению. Но тут же все стихло.

Едва прохожий скрылся, Женька перебралась повыше и уселась рядом с Тишкой.

– Окно видишь?

Ветка действительно тянулась к чердачному окну, и теперь Тишка поняла, отчего Изольда не закрывает его. Во-первых, ветка хлипкая. Во-вторых, окошко маленькое, взрослому человеку и не протиснуться.

– Давай! – скомандовала Женька. – Заберешься туда. Ты легкая. А потом откроешь мне заднюю дверь.

Тишка уставилась на нее во все глаза. Но ведь план был не такой!

– Чего тарачишься? – прошипела Женька. – Вперед! Старуха через полчаса вернется!

И с такой силой подтолкнула Тишку, что та едва не слетела вниз.

Девочка вцепилась в ветку, перекинувшуюся от дерева до окна. И полезла как обезьянка, отчаянно сожалея, что у нее нет хвоста.

Ветка качалась и пружинила, так что Тишка старалась не дышать. Больше всего она боялась услышать хруст. Крыша все ближе, ближе... Наконец Тишка спрыгнула на шиферный скат и вцепилась вспотевшими ладонями в оконную раму.

Обернулась. Женькино лицо белело среди ветвей. Тишка только теперь сообразила, что освобожденная от ее тяжести ветка снова приподнялась над крышей и вернуться тем же путем не получится.

Она подтянулась, протиснулась через узкую раму и чуть не нырнула вниз головой. В последний момент успела выставить руки и приземлилась на дощатый пол, покрытый грязью и шерстью. «Кошки с рыбьими глазами!»

Когда она выглянула наружу, Женька уже исчезла.

Девочке было так страшно, что она кубарем слетела с чердачной лестницы, пробежала по темному коридору, изо всех сил стараясь не увидеть чего-нибудь лишнего, и с размаху ударилась в дверь. С засовами Тишка разобралась за две секунды. Дверь распахнулась, и Женька ввалилась внутрь.

Девочки захлопнули ее за Женькой и навалились спинами, словно ужас поджидал их снаружи, а не внутри. Несколько секунд стояли, тяжело дыша, затем переглянулись.

– Пойдем, – одними губами сказала Женька.

Справа тускло светлел прямоугольник открытого прохода, мимо которого Тишка промчалась, не заметив его. В воздухе стоял густой непонятный запах, в котором смешались дурман старинных парфюмов, вонь кошачьей мочи, пыль, кисловатый привкус забродившего компота и что-то еще, чему Тишка не находила названия. Дом деда казался ей огромным, но этот превосходил его: он был словно лабиринт, темный, запущенный, напоминающий парк развлечений, который долгие годы простоял заброшенным.

Коридоры, зеркала, портреты... Со стен на них смотрела Изольда: молодая, с дерзкой улыбкой, с гитарой в руках. От запаха у Тишки закружилась голова. Ей хотелось выйти на свет, и она свернула в первую же открытую дверь. Женька шагнула за ней.

Под ноги им бросился мохнатый комок. Женька отшатнулась и издала странный всхлип. Тишка неимоверным усилием сдержала крик ужаса. Комок обернулся кошкой, вполне живой и самой обыкновенной: серой в белую полоску.

– Господи, – Женька схватилась за сердце. – Я едва не умерла.

Тишка промолчала. Ей казалось, что она как раз умерла. На целых три секунды. Кошка пробежала мимо них, вспрыгнула на кресло.

– Смотри! – Женька толкнула девочку под локоть.

На комод у зашторенного окна желтело облезлое чучело лисы. Стекланные глаза глупо смотрели в никуда. На шее у лисы болтались бусы, одно ухо было по-собачьи подвернуто внутрь.

– Сама Изольда мастерил! – таинственно зашептала Женька на ухо Тишке. – Убила лису и набила. Где-то в подвале наверняка и чучело человека спрятано!

Но Тишке больше не было страшно. Кажется, весь запас испуга она израсходовала на кошку. «И жабы никакой здесь нет, – вдруг поняла она. – Женька все это выдумала».

Портьера шевельнулась. Но на этот раз девочки были готовы, и когда оттуда вышла вторая кошка, копия первой, они даже не вздрогнули.

– Судя по вони, их здесь не меньше дюжины, – уже обычным тихим голосом сказала Женька. – А Изольда никогда не рассказывала...

Просторная комната, в которой они оказались, была беспорядочно заполнена мебелью и больше напоминала склад старинных вещей. Здесь были разномастные кресла на гнутых ножках, плетеные короба, трельяж с потемневшими зеркалами, узенькие шкафчики с дверцами из кусочков цветного стекла, прильнувшие друг к другу, точно сиамские близнецы. Тишка поймала себя на том, что ей здесь нравится. Если бы не запах, от которого горло забивает ватной пробкой...

– Пошли, – скомандовала Женька. – Надо осмотреться!

Тишка отрицательно качнула головой.

– Ты чего?

– Не пойду. Хочешь – сама осматривайся.

Несколько секунд Женька испытующе смотрела на нее. Тишка прямо встретила жесткий взгляд.

– Ну и пожалуйста. – Женька пожала плечами. – Сиди тут, если тебе не хочется посмотреть на жабу!

Тишке было до того противно вспоминать, как она купилась на выдумку для малышей, что она даже спорить не стала.

– Последний шанс! – предупредила Женька.

Девочка молча отвернулась.

Женька скрылась в коридоре, и шаги ее стихли, едва она перешагнула порог, словно сумрак съел все звуки. Тишка осталась одна.

Она провела рукой по гладкой прохладной поверхности комода, но до лисы дотронуться побоялась, хотя очень хотелось. Янтарные бусы покачивались, глубоко в каждой бусине пряталось спящее солнце. Поднеси золотистые шарики к свету, и оно проснется. Но нельзя, нельзя. Чужое.

А вот кошку Тишка погладила без опаски, хоть она тоже была чужой. Но кошки никому полностью не принадлежат, их может потрогать любой, кому они согласны подставить пушистые спины.

Интересно, что делает Женька?

Тишка еще походила по комнате, почесала кошку за ухом, но чувство тревоги нарастало как снежный ком. Она ощущала, что дольше оставаться в этой комнате нельзя. Запах давил на нее, в трельяжных зеркалах, казалось, просыпается и всплывает на поверхность густая подводная муть. «Это просто за окном темнеет, – сказала себе Тишка. – Будет дождь».

Но если будет дождь, значит, Изольда скоро вернется домой.

Пора уходить!

Бросив прощальный взгляд на лису – чучело беспокоило девочку, как будто от него можно было ожидать плохого, – Тишка крадучись вышла из комнаты и сразу наткнулась на Женьку. Та стояла, рассеянно покачиваясь с пятки на носок. Губы кривились в странной болезненной улыбке.

Увидев Тишку, Женька враз сбросила оцепенение.

– Я в спальню заглянула. Между прочим, знаешь, сколько тут еще комнат! Мы с тобой...

Договорить ей не удалось. Послышался негромкий вскрик, топот, и из-за угла, к ужасу девочек, выбежала Изольда.

Старуха была страшна. На белом как скорлупа лице морщины выделялись так явственно, словно их прорезали ножом. Выпученные глаза, всклокоченные волосы – Изольда напоминала оживший труп. И этот труп приближался.

Тишка покачнулась. Женька уже бежала прочь, а она стояла, не в силах отвести взгляда от жуткой фигуры.

– А-а-а! – откуда-то из живота выкрикнула Изольда. – А-а-а!

Казалось, еще одно усилие – и лицо ее осыплется, точно штукатурка.

В ушах Тишки ударил колокол. Звук набрал силу и перешел в гул, осевший в висках. Оцепенев, она смотрела, как за спиной Изольды вырастает вторая фигура: темный демон без лица, тролль, выбравшийся из подвала и преследующий свою тюремщицу. Стены сдвинулись и снова разошлись, старуха выросла, как гора, клацнули гигантские вставные зубы, и она обрушилась на Тишку, выставив вперед костлявые черные руки. Девочка последним краешком ускользающего сознания успела подумать, что ее накроет земляной лавиной, погребет навсегда под рассыпавшимся Изольдиным телом, и никто никогда не найдет ее. Значит, все правда – и про жабу, и про кошек, а те, живые, были и не кошки вовсе, а обманка...

– ...Дура!

В неумолчный шум вдруг ворвался хлесткий Женькин голос. Тишку изо всех сил дернули за руку, потащили куда-то к свету, прочь от нависающей мертвой плоти, на воздух, к ветру, к шелесту листьев и лаю собак.

Сзади донесся сдавленный стон, что-то рухнуло, застучало, и Тишке представилось, как катится по коридору отрубленная троллем голова ведьмы. Дверь за ее спиной захлопнулась. Они стремительно сбежали по ступенькам крыльца и рванули к калитке. В зарослях у забора ей померещилось изумленное лицо Пашки. Тишка уже не соображала, где реальность, а где призраки, творимые ее воображением, и могла только мчаться, увлекаемая Женькой, все дальше и дальше от страшного дома.

Глава 2

Июнь 2000 года

за две недели до описываемых событий

1

Всю дорогу мать молчала. И пока тряслись в электричке, и пока брели вдоль заборов, из-за которых свешивались ветки яблонь. Девочка хотела спросить, далеко ли им еще, но взглянула искоса на маму и сдержалась. Какая разница! Так хорошо идти вдвоем, и ветер такой теплый, и птицы поют, и не слышно голосов, словно никто не живет в окрестных садах, кроме соловьев и ласточек.

– Тихо как, – сказала мать.

– Да, здорово! – с энтузиазмом отозвалась Тишка.

Мама как-то странно взглянула на нее и, помедлив, кивнула:

– Точно. Здорово.

Они остановились.

На другой стороне улицы за переплетениями ветвей, за узловатыми стволами, за растущей зеленью листвы, пронизанной лучами, угадывался огромный дом. Тишка прищурилась, и ей показалось, что перед ними не сад, а толща морской воды, и дом покачивается на дне ее, словно затонувший корабль. Долговязая антенна обломком мачты торчала из крыши.

Они стояли, не двигаясь, одни на совершенно пустой улице, словно готовясь набрать воздух перед тем, как нырнуть и уйти в хрустальную зеленую глубину.

Мать внезапно отступила на шаг. Пальцы с силой сжали Тишкино плечо.

– Знаешь что, – очень решительным голосом начала она. – Мы сейчас вернемся на станцию, и гори оно все синим...

Хлопнула дверь. Тишка видела, как на крыльце возникла женская фигура.

– Мам, там кто-то есть!

Крепкая хватка пальцев ослабла. Пару секунд мать опиралась на Тишку, словно невыносимо устала с дороги. Затем сняла руку, выпрямилась и сказала в своей обычной суховатой манере:

– Это бабушка Раиса. Не забудь поздороваться, очень тебя прошу.

Тишка любила все новое, а уж новые родственники – это целое приключение. Когда выяснилось, что у нее есть дедушка с бабушкой, пусть и не родные, а двоюродные, а также несколько штук кузин и кузенов, она почувствовала себя так, словно ей преподнесли новую семью в нарядной коробочке, перевязанной лентой. «Они мои дядя с тетей, – сдержанно отвечала на хлынувшие вопросы мать. – Мы очень давно не виделись».

2

Бабушка Раиса походила на крупного одутловатого мотылька, который давно позабыл, как летать. Глубоко в ее глазах пряталось чувство тихого недоумения: зачем же я хожу по земле, когда должен делать что-то иное?

Но шла она легко-легко, словно зависая над тропинкой, и так же легко прижала к себе Тишку большими влажными руками.

– Милые мои! Приехали!

Тишка уткнулась носом в бабушкин халат. Господи, как от него сказочно пахло! Наверное, такой запах стоит на кондитерской фабрике по производству лучших в мире лакомств для детей.

– Есть чай и свежая шарлотка.

– Рая, ты не меняешься, – засмеялась мать.

– Я хочу пирог, – пискнула Тишка.

Раиса взяла внучку за руку и не удержалась:

– Яночка, какая ж ты тоненькая! Тебя мама кормит?

Сзади обреченно вздохнула мать. Рано или поздно все задавались вопросом, дают ли бедной крошечке вдоволь еды.

Тишка подняла на бабушку глаза и исполнила любимый, многократно отработанный номер: медленно качнула головой и закусил губу.

– Меня держат в чулане, – страдальчески шепнула она. – Я голодаю. Но ни одна сова не прилетит за мной, и ни одна кошка не пройдет по Тисовой улице, и Дамблдор никогда, никогда не узнает о моем существовании...

У бабушки вытянулось лицо.

– Янина!

Плохо дело. Мать обращалась к ее полному имени с такой интонацией, словно вызывала демонов ада: торжественно и яростно.

– Кто это у нас тут Янина?

Все трое обернулись. Размашисто, крепко впечатывая себя в землю при каждом шаге, к ним шел седобородый мужчина в длинной рубахе и штанах, собранных гармошкой над сапогами.

Тишка бросила взгляд на бабушку и поразилась выражению заячьей робости, преобразившему ее лицо.

– Ну здравствуй, Прохор, – сказала мать, неловко улыбнувшись, и пошла старику навстречу.

Они обнялись, и дед отстранил мать, крепко держа за плечи.

– Мудака-то своего выгнала, я слышал? – хриловато спросил он.

Мать что-то шепнула и коротко кивнула в сторону дочери. А дед уже возвышался над Тишкой, и пахло от него тиной и крепким куревом.

– Ба! Девка уже взрослая! Сколько тебе, девка?

– Д-двенадцать, – пробормотала Тишка.

– Недокормыш! – пригвоздил дед.

Поглядел на маму, на бабушку Раю и вдруг захохотал, запрокидывая голову и звучно хлопая себя по ляжке:

– Эх и морды у вас, бабье! Селедки на привозе, ну!

Тишке снизу было видно, что борода его похожа на мох, которым затыкают стены – седая, клочковатая, грубая. И лицо тоже грубое, значительное.

– Сейчас чаевничать идем, – словно оправдываясь, сказала бабушка.

И зачастила мелко-мелко в сторону дома, словно ноги у нее были связаны.

Тишку с силой хлопнули по плечу:

– Чего встала? Шагай в дом.

Дед смотрел на нее сверху, улыбался, но взгляд был внимательный и такой, словно Прохор чего-то ждет.

Под этим взглядом Тишке стало не по себе. Она вцепилась в мамину руку.

– Еще на сиське повисни! – прикрикнул дед. – Давай сама иди, никуда мамаша твоя не денется.

Девочка крепче сжала пальцы, но мать уже тянула руку, высвобождала ладонь из сильной хватки дочери, и Тишка непонимающе взглянула на нее. Держаться нельзя? Почему?

– Юрка уже здесь? – Мать пошла к дому, словно забыв про нее, оставив девочку одну осмысливать это мимолетное предательство.

– Три дня как ошивается. Пацана своего привез.

– А Веня?

– Все здесь, и Людка, и девки ее.

В доме пахло пирогами, на шторах цвели избыточно красивые розы, в старой горке тускло и многообещающе сверкали бокалы. Тишка привыкла, что едят на кухне, но их с матерью провели в столовую, где целую стену занимал необъятный старинный буфет, черный и торжественный, будто гроб. По обеим сторонам от него были развешаны блюда с хохломской росписью, каждое размером с ледянку.

– Поклонники дарят, – кивнул дед, заметив взгляд девочки. – Что, красиво?

Тишка немного подумала. Ей не была чужда деликатность, поэтому она сформулировала так:

– Нарядно.

Прохор широко ухмыльнулся.

– Нарядно, значит! Ай молодец!

Тишка не поняла, за что ее похвалили. Бабушка поставила перед ней блюдо с пирогом, придвинула сказочной красоты белоснежную сахарницу с фигуркой снегирия на крышке:

– Кушай, Яночка! Тебе нужно больше есть!

– Не мельтеши! – одернул дед.

И затеял с матерью какой-то непонятный разговор, который Тишка, поглощенная яблочным пирогом, очень быстро перестала слушать.

Бабушка Рая опустила на край стула, большие влажные руки положила перед собой. Но то и дело вздрагивала и едва заметно склоняла голову, точно ожидая одного ей слышного сигнала к действию.

– Венька с женой неделю назад прибыли, – размеренно говорил дед. – Пашку своего привезли. Дельный пацан...

– Салфетки! – встрепенулась Раиса, перебив мужа.

Тот зыркнул так люто из-под косматых бровей, что Тишка чуть пирогом не подавилась. Бабушка Рая выдвинула один ящик, второй...

Пронзительный визг сотряс комнату.

Мать вскочила, но любопытная Тишка уже стояла рядом с бабушкой и заглядывала в ящик.

Из комода на нее смотрела усатая серая мордочка с двумя бусинками глаз. Настоящими бусинками, пластиковыми, утопленными в сером ворсистом плюше.

За приоткрытой дверью мелькнула чья-то тень, и чутким ухом Тишка расслышала быстрые удаляющиеся шаги. Кто-то стоял в коридоре, следя за их чаепитием, и этот кто-то прямо сейчас убежал прочь, бросив свою игрушечную мышь на растерзание врагам.

– Яна! Ты куда?

– Спасибо, я пирог потом доем, очень вкусно было!

Все это Тишка крикнула уже из коридора. Нельзя упустить такой шанс и не узнать, кто рассаживает плюшевых мышей по ящикам комода, тайком следит за гостями и пугает и без того испуганных бабушек!

Она на миг замерла, прислушиваясь к звукам огромного чужого дома.

– Бойкая у тебя девка, – с необычайной четкостью донесся до нее голос деда. – А ты, Райка, дура!

Бабушка что-то забормотала, оправдываясь, но Тишка уже не слушала. Справа от нее деревянная лестница вела наверх, на второй этаж, и на крайней ступеньке этой лестницы бледнели в полумраке чьи-то ноги в полосатых носках.

Тишка рванула к ним. Ноги мгновенно исчезли, словно их обладатель подпрыгнул и растворился в воздухе.

Взбежав на второй этаж, девочка остановилась. Три двери, и из той, что слева, падает узкая полоса света.

За ней оказалась небольшая комната. На широком подоконнике сидел мальчишка, который обернулся к Тишке, едва она оказалась внутри, и деловито спросил:

– Мышь захватила?

Девочка плотно прикрыла за собой дверь. Подумала немного, раскачиваясь на носочках.

– Мышь твоя попала в плен, – сказала она наконец. – Завтра на рассвете ее повесят.

Мальчишка нахмурился.

– Жаль. Но она знала, на что шла. К тому же... – он спрыгнул с подоконника и нырнул куда-то под стол, а когда вылез, в руках у него была целая охапка серых мышей, – соратники отомстят за нее!

Тишка ахнула.

– Откуда у тебя столько?

– Из «Икеи», – очень серьезно ответил владелец мышиной армии. – Мы с папой туда ездим каждую неделю. Ему там соус к фрикаделькам нравится.

– Вкусный?

– Не знаю, я фрикадельки не ем. Кстати, я Алексей. Но меня все зовут Лелик.

Он развел руки, и мыши посыпались на пол. Тишка сделала шаг вперед, вглядываясь в нового знакомого.

Бледный, мелкий и лопоухий. До того незапоминающиеся черты, что отвернись – и образ Лелика тотчас выветрится из памяти. Единственное, что невозможно забыть, это его уши.

Уши были не просто оттопыренные. Они представляли собой нечто большее, чем полагающиеся людям ушные раковины. Они были огромные, распахнутые навстречу ветру, как паруса, – пыльные, прекрасные, бесшабашные уши, вызывающие к приключениям и сумасбродствам, к побегам из дома и похищениям чужих жен, к авантюрам и буйствам, безумиям, морям, дракам, безудержному пьянству и полетам на Марс.

«Но ведь это же неправильно, – подумала Тишка, – когда уши у человека выразительнее, чем его лицо!»

Она на секунду прикрыла глаза, проверяя себя, сможет ли вспомнить Лелика. Какого цвета у него радужка? Нос с горбинкой или нет? А может, курносый?

Но в памяти вставали только два просвечивающих розовых крыла, по какому-то недоразумению выросшие на коротко стриженной мальчишеской голове.

– А ты Янина?

Тишка подняла веки.

– Я Тишка. – Ответ прозвучал довольно сурово.

Лелик немного поразмыслил.

– Это кошачья кличка, – сказал он наконец. – Ты не кошка.

– Откуда ты знаешь? – возразила девочка. – Может, я буду ловить по ночам твоих мышей?

Лелик задумчиво обернулся на свое серое воинство и почесал левой пяткой щиколотку правой ноги. Один полосатый носок сполз и гармошкой собрался внизу.

Из окна донесся хохот, и с мальчишкой случилось удивительное превращение. На глазах Тишки он не то съезжился, не то слегка растворился в воздухе; как бы там ни было, Лелика определенно стало меньше, словно звуки чужого смеха частично вытеснили его из пространства комнаты.

– Кто это там?

– Сама посмотри, – нехотя сказал мальчик.

Тишка перегнулась через подоконник. Окно выходило на поляну с качелями. Площадку тесным кругом обступали деревья, и на одном из них среди листвы мелькнуло что-то пестрое.

Она сбегала по лестнице. Из столовой доносились голоса – мамин, деда и чей-то третий, высокий и какой-то кривляющийся.

Тишка знала, что у звуков есть свой цвет. В раннем детстве все было залито для нее ярчайшими красками, от которых иногда становилось больно глазам и сжимало затылок. С возрастом интенсивность цвета несколько стихла, но по-прежнему девочка видела голоса других людей как цветные волны, быстро пронесшиеся в воздухе или размазанные, словно огни автомашин на фотографии с длинной выдержкой.

Человек, чьи слова доносились из столовой, выстреливал бледно-желтыми канареечными очередями.

– ...диагностируют они, между прочим, тоже не бесплатно!

Тишка поскорее выскочила наружу, в солнечную зелень, в волну тепла и света, заглушившую канареечную размазю.

Пришлось обежать дом, чтобы оказаться на площадке с качелями. Деревья здесь росли старые, с морщинистыми стволами. Выше всех поднималась крона черемухи. Под ней Тишка заметила черно-серое пятно и в первый момент решила, что это одна из мышей Лелика.

Но тут пятно пошевелилось и выбросило за солнечным зайчиком мохнатую лапу.

– Ой! Кис-кис...

– Не трогай! – раздалось откуда-то сверху.

– У нее и не выйдет! – отозвались с другой стороны.

Тишка задрала голову, щурясь от солнца. Котенок шмыгнул в кусты и исчез.

– Спугнула! – холодно сказали из ветвей.

– Просто он дикий! – возразил нежный голос.

– Просто некоторые хуже коров.

Облако закрыло солнце, и Тишка наконец разглядела спорящих.

На крепкой черемуховой ветке, протянувшейся над землей, лежала на спине девочка лет пятнадцати. Поза ее казалась до того неустойчивой, что Тишка непроизвольно шагнула вперед, как будто могла помочь, если та потеряет равновесие.

И в ту же секунду девочка опрокинулась вбок. Тишка вскрикнула.

Девочка, однако, и не думала падать. С ловкостью циркового акробата она в последний момент зацепилась за ветку ногой, согнутой в коленке, и повисла вниз головой. Руки девочка скрестила на груди, лицо оказалось закрыто упавшими волосами. Белая юбка задралась, открыв гладкие бедра и полоску голубых трусиков.

– Показушница! – фыркнули из соседней кроны.

– Лохушка! – отозвалась белая юбка.

А затем с силой крутанулась, перехватила ладонями ветку – опля! – и пружинисто приземлилась на обе ноги.

Секундой позже без всяких акробатических номеров с яблони спрыгнула вторая девочка, откинула волосы, с беззастенчивым любопытством рассматривая Тишку. Глаза у нее были широко расставленные и светло-голубые. Прозрачный лоб, кукольной гладкости кожа, русые брови словно нарисованы тончайшей кисточкой волосок к волоску. Гладкая девочка, тонкая, как фарфоровая чашка.

– Ты дочь тети Тани?

Тишка молча кивнула.

– А язык у тебя есть, дочь тети Тани? – поинтересовалась акробатка. Она села на траву прямо в своем белом платье, длиннющие ноги вытянула перед собой и зевнула – широко, во весь рот. – Зовут-то тебя как?

– Тишка.

Кукольная девочка по-прежнему улыбалась – сонно, чарующе, и в глазах мелькало что-то странное, как будто она не была уверена, что все вокруг ей не снится. «Может, я и правда ей снюсь?» – внезапно испугалась Тишка. Какой-то дурман исходил от этой голубоглазой.

Резкий голос второй вернул ее к действительности.

– Тишка – это кошачья кличка.

Лелик, пять минут назад сказавший дословно эту же фразу, произнес ее задумчиво, словно взвешивая факты. Его слова не казались обидными, они лишь иллюстрировали способ его мышления. «Тишка – это кличка для кошки. Ты не кошка. Следовательно, вряд ли тебя могут так звать».

А девочка в белом платье никаких умозаключений не делала. Она шлепнула на Тишку пренебрежительный ярлык: дура! И откинулась на спину, удовлетворенная результатом.

Тишка прикусила губу.

Она ничего не станет объяснять этой красивой взрослой девочке, умеющей крутиться на ветках.

– Я Вероника, – певуче сказала голубоглазая. – А это моя сестра Женя. Нашу маму зовут Люда.

– Еще генеалогическое древо нарисуй, – фыркнула Женька.

– Я могу нарисовать, – встряла Тишка. – Наши мамы родные сестры. Значит мы с вами – двоюродные.

Но если в глубине души она надеялась вызвать в Женьке снисходительность к новообременной кузине, то просчиталась.

– У нас тут полный дом родственников, – презрительно отмахнулась та. – Шагу сделать нельзя, вляпаешься в братца или дядюшку. Кстати! – она привстала и огляделась. – Где-то тут шарахалась бледная спирохета. Надо вас познакомить.

– Спирохета?

– Ну, этот, – Женька щелкнула пальцами, – как его... Вероника, как его там?

– Ты знаешь как, – кротко отозвалась младшая сестра.

– Знаю! – Женька вдруг широко улыбнулась. – Лелик. Лелик-боле-анаболик! Отличная, между прочим, подбирается компания! Четкий Паша, бледная спирохета, малютка с проблемами самоидентификации, моя младшая сестра, которой не хватает одного полушария мозга... – она притворно нахмурилась и театрально приложила пальцы ко лбу, – вот только не могу вспомнить какого...

– Так может, это тебе не хватает полушария? – с прежней кротостью спросила Вероника.

В ту же секунду Женька вскочила на ноги. Тишка отпрянула. Лицо девочки напомнило ей выражение Прохора, когда деда перебила бабушка Рая.

«Драться будут!» – ужаснулась Тишка.

Но тут Женя расхохоталась.

– Иногда ты перестаешь выглядеть дурочкой, моя милая.

Она с неожиданной ласковостью взъерошила волосы сестре.

Тишка выдохнула. Битвы не будет! Странно только, что гримаса на белом личике Вероники кажется застывшей. На губах девочки по-прежнему играла слабая улыбка, и невозможно было определить, нравится ли ей происходящее. Но самой Тишке примирительно улыбаться совершенно расхотелось. Поглаживания Женьки становились все настойчивее, она все сильнее притягивала сестру к себе. Та казалась вялой и не сопротивляющейся. Вот только два розовых пятна на скулах...

Тишка не понимала, что ей делать. Требуется ли что-то предпринимать или все в порядке? Вот в чем всегда состоит проблема.

Смотришь на мать с ее ровным спокойным лицом. Смотришь на папу. Они сидят, обедают. И самая большая ошибка, которую ты можешь сделать, это решить, что если все выглядит хорошо, значит, все и правда хорошо.

Нет, ты должен быть всегда настороже! Подхватывать опрометчиво падающие фразы и бережно относить в сторону, чтобы они не взорвались посреди обеденного стола. Не забывать постоянно шутить, и что с того, что каждая шутка получается глупее предыдущей, а ведь и первая не была образцом остроумия. Пусть смеются над ней! Лишь бы не ругались.

Если ты окажешься достаточно чуток, если ты каждую секунду будешь держать в памяти, что под вами опасный лед, а вовсе не благополучный каток, и ты не кружишься здесь на коньках в свое удовольствие, а отчаянно пытаешься удержать всех троих от падения в черную воду, – так вот, девочка, если ты все время будешь контролировать ситуацию и помнить, что не смеешь выпустить маму и папу из сферы своего внимания, то у тебя что-нибудь может и получиться. И ты всех спасешь.

Или нет.

– Кто такой четкий Пашка?

– Что?

– Пашка, – повторила Тишка. – Кто это?

Женька выпустила сестру и уставилась на нее.

– Я тебе что, «Желтые страницы»?

– Это еще один наш родственник, – подала голос Вероника. Она отошла от сестры и приглаживала волосы, точно кошка, которую потискали грязными руками, и теперь она старательно умывается, стирая с себя чужие запахи и отпечатки. – И твой тоже. Сын дяди Вениамина.

– Скажи лучше – еще один претендент.

– Претендент? – повторила Тишка.

Женя насмешливо взглянула на нее. Глаза у нее при солнечном свете оказались карие, яркие, с золотыми искрами.

– Девочки, вы Лелика не видели?

Все трое обернулись.

На площадку из-за деревьев вышел сухопарый подтянутый человек. Он поразительно напомнил Тишке игрушечных солдатиков, которых собирал папа: узкоплечих, с прямыми спинами и крошечными усиками под острыми носами.

– Нет, дядь Юр, не видели, – ответила за всех Женька.

Тишка бросила быстрый взгляд в окно второго этажа. Лелик был в комнате десять минут назад. Но с учетом мыши, обнаруженной в ящике буфета бабушкой Раисой, вряд ли отец ищет его, чтобы представить к награде.

Поэтому она промолчала.

Сухопарый собирался уходить, но задержал на ней взгляд.

– Подождите-ка... Ты уж не Янина ли?

Тишка кивнула:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте! Вот так дела! Значит, Таня все-таки...

Он осекся. Нахмурился. Скупой улыбнулся, не переставая хмуриться, отчего лицо его приобрело странное выражение, и присел перед девочкой на корточки.

– Я думал, ты старше. Сколько тебе?

– Двенадцать.

Теперь лицо его выразило веселое недоумение. Ну давайте, дядя Юра, присоединяйтесь к клубу желающих сообщить о несовпадении роста и возраста!

Но отец Лелика сказал совсем другое:

– Ты на отца очень похожа. Приятно познакомиться, Янина.

Протянул руку и бережно пожал неуверенную ладошку.

Когда дядя Юра скрылся за деревьями, Женька обошла вокруг Тишки, щуря карий глаз.

– Тебе правда двенадцать?

Девочка кивнула. Внутри билась маленькая яркая радость, надо было не расплескать ее.

– Мне четырнадцать. Она, – Женька кивнула на сестру, – на год младше. Мы тут уже две недели торчим. А тебя надолго сюда?

Тишка пожала плечами.

– Снова язык проглотила, – констатировала Женька. – Слушай...

Она осеклась и вскинула голову. Издалека донесся старческий голос, такой громкий, отрывистый и противный, будто кто-то лупил по ведру железной палкой.

Сестры переглянулись.

– Изольда! – шепнула Женька. Глаза ее расширились. – Живо за ней!

– Я не пойду... – Вероника легла на траву, закинула руки за голову.

– Тухлятина!

Женька метнулась прочь, но в последний момент обернулась и бросила короткий взгляд на Тишку. Трактовать его можно было как угодно. Тишка решила, что это приглашение, и бросилась следом.

Они выбежали к забору и помчались вдоль него. Женька пригибалась и высматривала кого-то сквозь щели между досками, Тишка старалась не отставать.

– Чшшш!

Женька остановилась.

За забором кто-то прошел, ворча тем же неприятным скрипучим голосом, от которого перед глазами Тишки промелькнул темно-фиолетовый разряд. До девочек донесся густой запах приторных духов. Обе поморщились.

«Замри!» – одними губами предупредила Женька.

Старуха постепенно удалялась по тропинке. Только аромат висел в воздухе застывшей удушливой волной.

– Кто это? – шепнула Тишка.

– Молчи!

Женька приподнялась на цыпочках.

– Теперь можно!

Она с усилием сдвинула доску забора и открылась узкая щель, в которую Женька протиснулась, не обращая внимания на Тишку. Поколебавшись, та последовала за ней. Ее больно стукнуло по ноге отпущенной доской, Тишка ойкнула, но Женька обернулась и мазнула по ней таким злым взглядом, что девочка прикусила язык.

Теперь они бежали по тропинке, держась в тени забора. Высокая фигура с каким-то нелепым сооружением на голове успела отойти на приличное расстояние.

Женька неожиданно свернула на боковую тропинку между домами. Из-под ног ее выскочила заполошная курица, заметалась, наткнулась на Тишку, взбила воздух крыльями.

Девочка в растерянности замерла, а когда пришла в себя, Женька пропала. Где она? Перепрыгнула через калитку?

На крыльцо соседнего дома вышла толстуха в красном халате и подозрительно уставилась на девочку. Тишка почувствовала себя нарушительницей закона. Она притворилась, что рассматривает жимолость перед домом, зачем-то взрыхлила ногой землю и заторопилась подальше от места несостоявшегося преступления.

Как-то все странно закончилось. Странно и глупо.

Она в задумчивости свернула налево, прошла еще немного, поискала взглядом суматошную курицу и спохватилась, что, кажется, впервые видит эту дорожку. Сунулась в один проход, другой – и поняла, что окончательно заплутала.

Размеров поселка Тишка не представляла. Даже фамилию бабушки с дедушкой не помнила. С другой стороны, деда Прохора наверняка знают соседи: она поспрашивает и найдет свой дом.

– Эй!

Подросток лет пятнадцати стоял, прислонившись к забору, и рассматривал Тишку из-под кепки, надвинутой на глаза. Девочка не заметила, откуда он взялся.

– Заплутала? – Он облизнул губы и отлепился от забора.

– Угу.

– Пойдем, выведу тебя.

Он сплюнул в кусты и уверенно двинулся по тропинке.

– Эй! Стой!

Парень и не подумал слушаться.

– Подожди! – Тишка, запыхавшись, догнала его. – А откуда ты знаешь, куда нужно меня вывести?

– К Савельевым.

«Савельевы!»

Больше Тишка вопросов не задавала. Послушно топала за неожиданным спасителем, радуясь, что не пришлось стучаться в чужие двери и просить помощи.

Дом, утопленный в зелени, она узнала издалека и радостно ускорила шаг. Парень толкнул входную дверь, словно бывал здесь уже не раз.

В столовой собрались взрослые. Тишка запуталась взглядом в незнакомых лицах.

– Ба! Младшее поколение!

– А что это вы такие встрепанные?

– Кушать хотите?

Тишкин проводник все эти вопросы проигнорировал. Кепку снял, ударил взрослым жестом об коленку и даже, показалось девочке, чуть ли не поклонился Прохору, сидевшему во главе стола.

– Заблудилась она, – солидным баском сказал он, кивком указывая на Тишку за своей спиной. – Шарахалась возле Загорских. Я увидел, думаю – ну, беда будет! Подобрал, привел. – И уже с другой интонацией, детско-открытой: – Спасибо, бабушка, я проголодался до ужаса! Сейчас только руки вымою!

Бабушка закивала.

– Ай да умничка, – растроганно сказала щекастая женщина в льняных кудряшках.

Вслед ему Прохор одобрительно крикнул:

– Молодец, сообразил привести!

– Да она совсем потерялась, – донесся из-за дверей мальчишеский голос. – Цыпленочек!

Вокруг раздались смешки. Тишка посмотрела на мать и поспешно отвела взгляд. Как-то незаметно оказалось, что она в чем-то виновата – то ли в том, что заблудилась возле неизвестных Загорских, то ли в том, что согласилась на помощь проводника, обернувшегося ее очередным родственником... Девочка ощущала смутную неправильность происходящего, но никак не могла уловить, в чем она заключается. И почему мальчишка скрыл, что он тоже один из внуков Прохора?

– Иди руки мой, – суховато сказал дед. – В другой раз сперва узнай, где можно ходить, а где нет. А потом уже суй нос. Горожане!

3

Вечером, лежа в постели на хрустящем, крепко накрахмаленном бабушкином белье, Тишка пыталась читать Джеральда Даррелла. Дверь в любимую книгу, где увлеченный натуралист ловил капибар и попугаев, всегда открывалась для нее в любом месте, где бы она ни находилась, и огромный, невозможно прекрасный, упоительный мир чужой жизни, которую она мечтала прожить, вставал вокруг зримее и отчетливее, чем мир реальный. Но сегодня что-то случилось. Тишка мусолила взглядом одну-единственную страницу, пока не поняла, что ничего не выйдет.

Она немного повалялась без дела, изучая потолок с паучьими лапами трещин. Затем выбралась из постели и босиком прошлепала в коридор.

Тук-тук-тук.

Быстрые шаги, недовольное Женькино лицо в дверной щели.

– Чего тебе?

– Женья, скажи, пожалуйста, а кто такие Загорские? – очень вежливо спросила Тишка, зябко переступая босыми ногами.

Та пожала плечами:

– Придурки местные. Дальше что?

– Хотела узнать, где они живут.

– Зачем тебе? Фанатеешь от дебилов?

– Чтобы никогда с ними не встречаться, – логично объяснила Тишка.

– Ты и не встретишься. Их дом на другом конце поселка. Держись подальше от пруда, и все нормально будет. Ясно?

Тишка коротко сказала, что ясно, и отступила назад.

День выдался длинный, наполненный событиями, о которых она не знала, что и думать. Но в одном девочка была уверена: к пруду она сегодня и близко не подходила. Ее проводник солгал.

Она медленно побрела к своей комнате, но на полпути остановилась. Вокруг темно, за маленьким окошком в конце коридора шумит и раскачивается дерево. Снизу, из столовой, слышны приглушенные голоса взрослых.

А в мансарде кто-то ходит.

Тишка задрала голову. Прямо над ней раздавался монотонный скрип. Скрип-скрип. Скрип-скрип. И сквозь этот звук отчетливо донесся тихий плач.

Плакал ребенок.

Тишка замерла. Шаги тоже затихли, а плач еще повисел немного в воздухе – и оборвался.

Девочка вскарабкалась по узкой лестнице в мансарду, остановилась перед дверью, перевела дыхание. Толкнула дверь, но та вполне предсказуемо не отворилась. Тишка прильнула к ней ухом, однако изнутри больше не слышалось ни звука. Но ведь кто-то же там есть!

Женька при виде вернувшейся Тишки скорчила такое зверское лицо, что только чувство долга удержало девочку на месте.

– Там, наверху, кто-то... за дверью! – сбивчиво поведала она. – Плачет! Я сама слышала! Надо позвать, чтобы посмотрели...

По правде говоря, Тишке одной страшновато было обращаться к старшим. Кажется, мама рассердилась после ее сегодняшней короткой прогулки.

– Ты глупая? – флегматично поинтересовалась Женья. – Вероника спит. Лелик с Пашкой тоже. Взрослые бухают. Иди отсюда!

И попыталась захлопнуть дверь.

Но Тишка проворно сунула ногу в щель:

– А других детей в доме нет?

Женькины брови полезли наверх.

– Других детей? – она задумалась. – Ладно, я тебе скажу, только это огромная тайна.

Наклонись!

Тишка подалась к ней. Женька приблизила губы к ее уху и отчетливо проговорила:

– Живых – нет.

Глава 3

2015 год

1

Янина Тишко

Вы знаете, что такое анпогаки? Это вяленая хурма очень высокого качества. Осенью особый сладкий сорт подвешивают на веревочках, время от времени макают в крепкий алкоголь и снова держат на свежем ветерке, а чтобы процесс завяливания шел равномерно, регулярно массируют.

Когда я думаю о том, что где-то есть хурма, которой нежно мнут бока, проветривают ее на сквозняке, а после купают в выдержанном коньяке, мне становится смешно. Я тоже хочу быть хурмой. Согласна даже на то, чтобы меня по завершении этого волшебного процесса съели вприкуску с чаем.

За окном поезда замелькали ржавые коробочки гаражей. Я уткнулась носом в стекло и стала смотреть, как проносится перед глазами осеннее Подмосковье.

После яркого, как фейерверк, сентября пришел неожиданно болезненный, бескровный октябрь. Странный октябрь без сияющего золота лип и триумфального кленового багрянца, анемичный октябрь с бледными листьями и землистой травой. Синоптики пугали заморозками со дня на день и грозили морозной зимой. Пусть, пусть грянет свирепая зима, и выюги пройдутся по городу, хозяйскими метлами вычищая серость и грязь, и ветер из осеннего нытика и меланхолика превратится в мрачного бородатого сказочника. Слышишь недобрый вой в трубах? Это сквозняки наперебой рассказывают страшные истории.

Когда-то я умела понимать их язык.

Всего лишь десятое октября, а кажется, что зима уже несется за поездом, как охотничья собака по следу, низко припав к земле.

Надо будет продать дом.

Зачем я туда еду?

Бабушка Рая перед смертью помрачилась рассудком. А может, всегда была тихой сумасшедшей. Достаточно вспомнить ее шепоток, когда она вешала оберег мне на шею. «Он сохранит тебя!»

Ох, бабушка, бабушка... Ты должна была отдать свою реликвию другому человеку. Возможно, тогда все пошло бы иначе.

Литвиновка изменилась. Заборы подтянулись и растолстели, дома выросли на этаж, а кое-где и на два. В целом поселок приобрел вид несколько агрессивного благополучия: мол, все у нас хорошо, и ты к нам без лишней нужды не суйся. Но дом, наш дом, остался прежним, только еще сильнее насупился и побурел.

Ключ я обнаружила в почтовом ящике – как и предупреждало письмо. С замком не пришлось долго возиться: два поворота ключа – и дверь распахнулась сама. Я постояла на пороге, не то чтобы не решаясь войти, а как будто давая дому время привыкнуть ко мне. Все-таки мы не виделись очень давно.

Сумрачно, пыльно и пахнет лекарствами. Я сделала несколько шагов, ожидая хотя бы скрипа половиц, но дом настороженно безмолвствовал.

– Ну здравствуй.

Мать всегда высмеивала мою привычку разговаривать с животными и неодушевленными предметами. Впрочем, я не уверена, что дома можно отнести к последним. В некоторых из них души больше, чем в иных людях.

Коридор, который помнился мне широким, как проспект, оказался тесным, обклеенным пожелтевшими обоями в полоску. К тому же его загромождал шкаф, одна створка которого была затянута простыней.

Я сдернула ее. За тряпкой открылось зеркало, а в нем мое бледное измученное отражение, которое выглядело так, словно его кто-то долго держал без еды и света, может быть, даже в этом самом шкафу.

За отражением промелькнула едва заметная тень возле самого пола. Я не испугалась. Не боюсь домовых. Что-то скрипнуло, и на кухне мышь уронила веник.

«Здравствуй, Тишка!» – поздоровался дом.

Остаток дня прошел бессмысленно и суетливо. Я ощущала себя не новым полноправным владельцем, а захватчиком на чужой территории. Протерла кое-где пыль, чтобы утвердить себя хозяйкой, но это не слишком помогло. Я снимала простыни с занавешенных зеркал, и в каждом открывалось мое лицо, которое неумовимо отличалось от тех, что я видела в предыдущих отражениях. Словно дом подсовывал мне мои некачественные копии.

До вечера я бездумно занималась ерундой. Меня не тревожили мысли ни о недавно умершей Раисе, ни о том, что случилось много лет назад. Похоже, таблетки, выписанные психиатром, начали действовать.

Чем хороши лекарства – с ними перестаешь задавать вопросы. Мир отныне состоит лишь из утвердительных предложений.

Октябрь желтый. Вода мокрая. Я наследница Раисы Савельевой.

Я даже не пыталась представить, что стану делать с ненужным состарившимся особняком. Просто машинально ходила туда-сюда с тряпкой и переставляла стулья.

Все было другое. Синтетические шторы, современная мебель. Вещи переехали на новые места, и я то и дело натывалась на какое-нибудь кресло или угол стола, которого здесь не должно было быть.

Не знаю, отчего это так поразило меня. Неужели я думала, что жизнь в Литвиновке законсервируется в том виде, в каком я ее запомнила?

Когда начало темнеть, я спохватилась, что в холодильнике нет продуктов, и заторопилась в поселковый магазин. Возвращалась уже в сумерках. Сумки оттягивали руки. Мне показалось, что возле дверей мелькнула какая-то тень, но когда я подошла ближе, она растаяла.

На ночь я расположилась в гостиной на диване. Не в бабушкиной же спальне устраиваться, честное слово. На секунду у меня мелькнула мысль о комнате, где поселили меня в то безумное лето...

Я даже не стану заходить туда.

Собственно, я ведь так и не осмотрела дом. Перемещалась как сомнамбула между столовой, кухней и прихожей. Еще пару раз заглянула в дедову библиотеку. Мне почудилось, что все до единой книги в шкафу – другие. Уж этого-то точно не могло быть, бабушка никогда не выкинула бы собрание его сочинений.

Или это сделала не бабушка?

Уже засыпая, я пообещала себе обойти завтра все помещения. Включая мансарду. Да, мансарду в первую очередь.

В конце концов, мне нечего бояться.

Все самое страшное уже произошло.

2

Алексей Савельев

– Алексей Юрьевич, она приехала.

Вот черт! У меня теплилась надежда, что наша внезапная наследница не сунется в свое новое поместье. Зачем оно ей? После всего, что случилось, можно было ожидать, что она и близко к нему не подойдет.

Но нет. Все-таки решилась.

Похоже, из любопытной девчонки выросла любопытная женщина.

– Давно она там?

– Со вчерашнего дня.

– Что делает?

– Дома сидит. Выходила один раз.

Все хуже и хуже! Раз не высовывается наружу, значит, разбирает доставшееся ей имущество. Чем еще можно заниматься в этой огромной домине?

– Мне продолжать наблюдение, Алексей Юрьевич?

– Нет, ты там больше не нужен. Возвращайся.

В трубке немного помолчали. Я нутром уловил, что сказано не все.

– Выкладывай, Сережа.

– Да не уверен я...

– Все равно говори.

– Мне показалось вчера, кто-то ходил вокруг дома, – решился безопасник. – Я в машине сидел, видел только силуэт. Но наверняка сказать не могу.

Силуэт, значит... Это с равным успехом мог быть залетный наркоман, высматривающий заброшенные дома, и тот, кто догадывался, что именно осталось в наследство после умерших хозяев. От Прохора можно ожидать любых сюрпризов. «Даже от покойного, – сказал я мысленно, но тут же исправился: – Особенно от покойного».

– Возвращайся, – повторил я. – Дальше я сам.

– Уверены, Алексей Юрьевич?

Если говорить начистоту, нет, не уверен. Я совершенно не убежден, что мне стоит ворошить прошлое.

Но вслух сказал иное:

– Абсолютно уверен.

Перед тем, как ехать, я позвонил отцу.

– Зачем тебе это?

Голос у него озадаченный. Голос у него всегда озадаченный, когда он разговаривает со мной. Словно отец постоянно удивляется, как у него мог получиться такой странный, не понятный ему сын. Яблоня, недоуменно взирающая на валяющийся под ней артишок.

Я много лет пытался заслужить его любовь и сейчас думаю, что в моей жизни не было более бессмысленного занятия.

– Так зачем, Алексей?

– Есть кое-какие рабочие моменты, – туманно сказал я и ведь почти не соврал. – Я тебе потом расскажу, если все сложится.

– Ну, береги себя, – пожелал он напоследок очень серьезным и ответственным тоном, как будто я лез на Эверест или планировал поход по джунглям. – И вот еще что, Алексей...

Мне показалось, отец собирается с духом, прежде чем сказать мне что-то важное.

– Да, пап?

– Не забудь позвонить Ларисе Степановне. У нее двенадцатого день рождения.

Вот так и выглядит наш с ним традиционный диалог. Только я настроюсь на то, что сейчас отец приоткроет мне душу, как он выдает очередное напоминание вроде требования поздравить соседку по даче. Вообще-то на этот случай у меня есть специальная программа на телефоне, и работает она куда эффективнее папы. По крайней мере, не путает отчества.

– Семеновна, пап.

– Не понял.

– Она Лариса Семеновна, а не Степановна.

Отец помолчал. Потом сказал: «Да какая разница!» – и повесил трубку.

Я еще некоторое время смеялся, когда в кабинет заглянула Леночка.

– К вам из «Стеллы» пришли, Алексей Юрьевич...

«Стелла» – молодое издательство, выросшее из старых денег. В свое время пытались оттапать у нас учебную литературу, но ничего у них не вышло. Из проигравшего врага может получиться неплохой партнер, так что со «Стеллой» мы осторожно кружим друг вокруг друга и делаем вид, что распри позабыты.

Кажется, что-то подобное предстоит мне и в Литвиновке.

3

Женя Кошелева

Естественно, я сделала себе запасной ключ. Этот дом мой по праву. Он должен был достаться мне еще в двухтысячном. Не в юридическом смысле, конечно. Но я могла бы обосноваться в нем новой хозяйкой, если бы все не испортила одна маленькая нервная дура.

Что ж, ладно. Я умею ждать. И дождалась бы своего, если б не Раиса. Знай я, что она выкинет, я превратила бы последние дни ее жизни в горькое сожаление о том, что они так долго длятся.

Не зря мне казалось, что бабка меня терпеть не может.

Вот дед – тот всегда меня любил. Ну то есть как – всегда... Он полюбил меня, когда ему это потребовалось. Втемяшилось в старческую башку, что он нуждается в продолжении рода. Под родом, само собой, следовало понимать исключительно Прохора Савельева.

Думаю, он сожалел, что не способен размножаться один. Раиса ему все только портила.

Взять хоть его сыновей. Уже в четырнадцать лет я понимала, до чего они его бесят. Даже не знаю, кто сильнее – Юрий, вечно закованный в корсет собственных страданий, или скользкий придурок Вениамин.

Юрка и Венька, два семейных огорчения. И на их фоне – я! Красивая! Похожая на деда! Вот что главное. Прохор соглашался признавать равными только тех, кто был слеплен из одного с ним теста.

Конечно, надо смотреть правде в глаза: больше прочих он выделял не меня, а Пашку. Но и у меня были неплохие шансы, если бы все не закончилось так, как закончилось.

И это был первый раз, когда судьба ограбила меня.

Помню, дед стоит над телом, а лицо у него серое, как цемент, и одной рукой он отпихивает цепляющуюся за него жену, а другой машет на нас и кричит: «Вон! Все вон!» Я пыталась подойти к нему, но он выгнал и меня.

Мой второй шанс выпал, когда Раисе пришло время умирать. Кто ухаживал за ней перед смертью? Я.

Не могу сказать, что мне это тяжело далось – все-таки бабка до последнего была в сознании и обслуживала себя сама, так что я торчала в ее хате в основном затем, чтобы мать не приставала ко мне с нотациями. Ей, видите ли, некогда следить за старухой. У нее пылкий роман – в ее-то возрасте! А Раису нельзя оставлять одну. Вдруг она упадет, станет мучительно умирать, кошки объедят ее лицо... бла-бла-бла!

Никаких кошек у бабки отродясь не водилось. Но у моей матери не голова, а рама для воображаемых картин. Никакими фактами не замалевать нового живописного полотна. Сказано, объедят – значит, объедят! И соседи проклянут бессовестную Людмилу, не позаботившуюся о единственной старенькой тетушке.

Ключевое слово тут – «соседи». По убеждению маменьки, жить надо так, чтобы ни одна соседская сволочь не могла сказать о тебе дурного слова.

Однако я не слишком сопротивлялась. По-моему, все складывалось как нельзя лучше. Раз уж я все равно в очередной раз осталась без работы, можно провести ближайший год, опекая полоумную бабуку. Оплата – дом. По-моему, справедливо. Я прошерстила сайты с объявлениями о продаже недвижимости, и когда осознала, сколько может принести литвиновская хата, у меня мурашки побежали по коже. Нет, я всегда понимала, что дед хорошо устроился. Но чтоб настолько!

За эдакое наследство можно и бабуку потерпеть.

Тем более Рая вела себя тихо. Разжирела, конечно, до безобразия. Мне приходилось помогать этой потной туше выбираться из кресла и спускаться в сад (я все боялась, что когда-нибудь ступеньки провалятся под ней). Русая коса поседела, но стричь ее бабука отказывалась наотрез. «Всю красоту мне срежешь!» Господи, как я хохотала! Всю красоту, вы только подумайте! Сидит эта плесневелая жаба в двух шагах от встречи с Создателем и квакает о прекрасном!

При бабуке, понятное дело, я вела себя тихо. Газетки ей читала. Ездила в город, чтобы купить гипс: у нее осталась привычка лепить фигурки, которые она высушивала, тщательно раскрашивала и расставляла по полкам. И еще бесконечные вазы и кувшины. Входишь в кладовку, а все полки забиты кривобокими уродцами!

Бабуля тихо догнивала в своем закрытом мирке, точно улитка в раковине. Я преисполнилась уверенности, что все идет как по маслу. Сюрпризов можно не ждать. Когда она изредка все-таки злила меня своим упрямством, я напоминала себе, что передо мной ходячий труп, обремененный недвижимостью. Представь человека покойником – и он перестанет тебя раздражать. Надо бы испробовать это на моей собственной матушке, ха-ха-ха!

А потом Раиса слегла. И за неделю до смерти вдруг ударилась в воспоминания.

Долго же она молчала! Я полгода пыталась выжать из нее хоть что-нибудь, подступалась к ней осторожно, как кошка к голубю... Ни слова! Она замыкалась так, словно это ее рука нанесла смертельный удар. И понемногу я сдалась.

Но тут ее внезапно прорвало. «Речка! – твердила она. – Девочки пошли на речку и едва не утонули... Но ее спас мой оберег! Я всегда верила, что он обладает удивительной силой, Женечка!»

Поначалу я не поверила собственным ушам. Решила, что бабука заговаривается. Я ведь помнила во всех подробностях и события того дня, и собственную бессильную ярость, и ощущение, что чуть ли не впервые в жизни столкнулась с тем, чего мне не преодолеть. Называйте это роком, или кармой, или фатумом, или еще каким-нибудь глубокомысленным словом. На самом деле оно маскирует лишь один факт: вы лох. Лузер! Вас переиграла тупая и бессмысленная судьба.

«Он столкнул ее с крыши, Женечка... Я видела это своими глазами! Он был дурной мальчик, ты же знаешь...»

Я не особенно вслушивалась в ее старческое бормотание. Столкнул и столкнул, подумай! Моя двоюродная сестричка, малютка со странностями, вечно забиралась куда повыше. Помнится, устроила целую библиотеку на скате крыши под мансардой. Я бы, может, и сама спихнула ее оттуда ради смеха, если бы не была так занята другими делами.

А Пашка, выходит, добрался до лохматой дурочки. Ну что ж, хоть кто-то из нас как следует поразвлекся!

«Она упала в малинник. Хрустнули кусты, а я подумала, что она сломала себе шею».

Бормочи, бормочи, Раиса. С этими шепотками из тебя выходит жизнь, а ты и так изрядно подзадержалась на этом свете.

Нет, я не желала бедной старушке ничего плохого. Но вы сами подумайте: на что похожа ее старость? Муж в могиле, дети разъехались, одна лишь выросшая внучка сидит у ее одра в пустом холодном доме. Зачем влачить это жалкое существование? Не лучше ли вовремя откинуться, заодно осчастливив кое-кого из близких!

«Тогда я поняла, что обязана защитить ее, Женя... Ведь никто, кроме меня, не догадывался, что происходит. А я никому не могла рассказать, ты понимаешь?»

Она внезапно привстала на постели. Горячая рука обхватила меня за шею с такой силой, что я едва не задохнулась. «Он упал и напоролся на косу! – закричала она мне в лицо. – А ему было всего три годика! Прохор убил бы меня, если бы узнал! Он распорол плечико, кровь так и хлестала!»

Я едва сумела отцепить ее от себя. Бабка осела в постели, как перебродившее тесто, но взгляд был не бессмысленным, о нет! Он был таким, словно Раиса подхватила лихорадку. И ее натурально трясло. «Мы ездили в больницу и доктор сказал, что все заживет, только останется шрам. Женечка, ты понимаешь? Я никому не сказала, только до их отъезда купала его сама, чтобы никто не заметил!»

Я кивала и соглашалась, что все понимаю.

А потом она сказала про кулон.

В этот момент картинка сложилась. При чем тут коса и шрам, я не знала и не желала знать. Ко мне это не имело никакого отношения. Но река! И кулон!

У меня помутилось в глазах. Кажется, я впервые за все время наорала на бедную старуху. «Что ты наделала, дура? – кричала я. – Почему ты не сказала мне раньше?»

Я трясла ее за плечи, выплевывала ругательства в оплывшее жирное лицо и пришла в себя лишь тогда, когда она скривилась и заревела. Фу! Это мерзкое зрелище привело меня в чувство.

«Дом! – напомнила я себе. – Когда мне достанется дом, я смогу все исправить».

В этот вечер я выпила два бокала коньяка из старых дедовых запасов. Бабкина лихорадка словно передалась мне: меня трясло, предметы расплывались перед глазами. Я едва смогла уснуть к трем часам ночи.

А два дня спустя, в субботу утром, бабка внезапно сообщила, что у нее закончился гипс. Обычно она говорила об этом робко и отводила взгляд, словно понимала, на какую чушь тратит часы своей и без того бездарно прожитой жизни. В такие минуты я не могла удержаться от укоризненного взгляда и долгой многозначительной паузы. Не затем, чтобы поиздеваться! А лишь чтобы она как следует оценила мою жертву: вместо отдыха в саду с книжкой я вынуждена приводить себя в порядок, ехать в соседний городишко, закупаться там чертовым гипсом в магазине для художников и возвращаться, навьюченной сумками.

Но в тот день что-то пошло не так. «Мне нужен гипс», – сказала Раиса. И посмотрела прямо в глаза.

Меня вдруг пробрала дрожь. У бабки всегда был такой глупый взгляд... Как у овцы. Но сейчас в нем появилось что-то жесткое, чего я прежде у нее не замечала. Дед хорошо выдрессировал себе жену: что бы он ни делал, она не сопротивлялась. Во-первых, слишком любила его. Во-вторых, силы были неравны. Где Прохор с его мощью, а где вялая Раиса.

Я пыталась было сказать, что погода неподходящая, но Раиса встала с постели – сама, без моей помощи! – и, возвышаясь надо мной, развалившейся в кресле, твердо повторила: «Мне нужен гипс».

Пришлось убраться из дома. Из ее дома! К тому времени я привыкла называть его своим, но внезапно бабка каким-то удивительным образом напомнила, что она здесь все еще хозяйка.

Художественный магазин в субботу оказался закрыт. Я возвращалась обратно под дождем, злая как черт, и обдумывала, что выскажу Раисе.

Однако стоило мне войти в дом, как отретпетированная речь вылетела из головы.

Пока меня не было, бабка устроила перестановку. Она ухитрилась дотащить до гостиной два новых кресла, обитавшие прежде в мастерской. Но это еще ничего! Как ей удалось спустить из мансарды древнюю кушетку – вот что до сих пор остается загадкой!

Я прошла по дому, оценивая масштабы разрушения. Да, бабка постаралась на славу. За три часа она проделала титаническую работу! Тут-то я и подумала, что кукушечка у нее все-таки упорхнула на старости лет.

– Ничего здесь не трогай, – сказала она, когда я остановилась на пороге комнаты.

Я и не собиралась. Но мне не нравилось, что она раскомандовалась.

– Хочешь устроить здесь мемориал?

Бабку всегда легко было испугать. Одно неосторожное слово – и она уже вздрагивает и нервно кусает губы. А возразить-то не умеет, ха-ха!

Но тут она что-то долго молчала в ответ на мою провокационную реплику. Я устала ждать, обернулась, надеясь насладиться жалобной ее физиономией, – и выяснила, что за моей спиной пустота. Бабка ушла. Ушла!

На старости лет к ней вернулась способность передвигаться бесшумно. Ну вы подумайте!

Все это мне очень и очень не понравилось. И моя напрасная поездка, и бабкина не менее бессмысленная активность. Я хорошенько обдумала происходящее и решила, что завтра поговорю с Раисой.

Мне чудился назревающий бунт. Еще не хватало, чтобы старушка отбилась от рук.

Утром я подошла к ее постели, раздернула шторы. Наклонилась, чтобы разбудить бабку, и обнаружила, что она не дышит.

Глава 4

1

2000 год

Своего дома в деревне у Тишкиных родителей не было. Каждое ее лето делилось пополам между городом и крымским санаторием, да еще один раз ее отправили к родителям отца, в грязное село возле заболоченного озера, в котором не разрешалось купаться, а можно было только ловить рыбу. По берегу бродили бездельничающие мужики, завязывали разговор с ее дедом, и вскоре дед уходил, а появлялся в доме ближе к вечеру, опасно веселый и пахнувший водкой.

После Тишкиного возвращения папа с мамой поссорились. Девочка слышала обрывки разговора: «...Необъяснимое безразличие... – Имеют право! – А твой собственный ребенок не имеет?... – ...требуешь невозможного... – Поговори с ними!.. – ... я устал от них и от тебя!»

Закончилось тем, что с тех пор в деревню к родителям отца ее не возили.

Дом, в котором жили Прохор с Раисой, ошеломил Тишку.

В ее сознании он оказался неразрывно связан с одичавшим садом и лесом. Как если бы дом стал порождением этой пахучей сырой земли, возник из зерен, которые некогда упали в нее, а затем проросли срубом, венцами и бревенчатыми стенами.

Через лес проселочная дорога вела к реке. Слева от нее высились сторожевые дубы, мощные, как вымахавшие в грибной год боровики. За ними начинался лес темный, таинственный, с паутинными сетями в густом орешнике и осинами, чьи стволы серебрятся, а листья похожи на монетки.

С другой же стороны дороги лес был иной. Здесь ровные стволы корабельных сосен тянулись к небу. Шуршали слюдяные пластинки коры, солнце сверкало в каплях смолы, обманчиво обещающей сахарную сладость на языке. Ветер не путался в паутине, а гулял привольно, вороша старую хвою и играя худыми ветвями бересклета.

И оба этих королевства безраздельно принадлежали Тишке.

Она сбегала из дома сразу после завтрака и носилась по бору как сумасшедшая, а выбившись из сил, падала в траву и бездумно смотрела на облака, заштрихованные ветвями.

Затем на сцену выступал картограф. Из рюкзака извлекались тетрадь и карандаш, и Тишка скрупулезно составляла план своих земель. На ней уже были отмечены пещера троллей, бобровые ловушки, три гнездовья орлов. Для гномов она выделила поляну под одинокой старой липой.

На липу Тишка наткнулась однажды ближе к вечеру. Владения ее к этому времени были исследованы достаточно, чтобы она позволяла себе забредать довольно глубоко в лес. Другого ребенка зеленая глухомань испугала бы. Но Тишка была из тех беспокойных душ, в которых любопытство всегда побеждает осторожность.

Издалека углядев липу, девочка только в первую секунду испугалась. А затем отправилась исследовать, что за страшилище возвышается в глубине зарослей.

Липа была стара и уродлива. Когда-то в нее попала молния и расколола надвое. Одна половина обуглилась и кривым клыком торчала из земли. Вторая начала гореть, но дождь унял огонь, и дерево осталось живым, только сильно искалеченным.

Тишка почтительно обошла вокруг лесного чудовища. На высоте четырех метров узловатые ветви расходились в стороны, образуя подобие растопыренной ладони. Недолго думая, девочка вскарабкалась наверх и оказалась в развилке.

Места было достаточно, чтобы свободно сидеть и даже полулежать. Вдалеке отрывисто прорезалась кукушка, словно то приоткрывали, то закрывали дверцу настенных часов. Над плечом заголосил озверевший комар. Тишка метко прихлопнула его и разлеглась на ветке.

«Инстинкт гнездования!» – вспомнилось подслушанное у кого-то из взрослых.

Ей нравилось это словосочетание.

Она построит дом. Дом на дереве! С крышей, чтобы не страшен дождь. С кладовкой, где можно хранить припасы. Мысленно Тишка уже беседовала с воображаемыми гостями и разливала чай.

На обратном пути она сделала небольшой крюк по поселку, и на узкой улочке ей бросилась в глаза поленница, небрежно сложенная под шиферным навесом. Из щели между дровами свисал коротенький черный хвост. Откуда-то возникла невзрачная серенькая кошка, похожая на моль, подпрыгнула и удивительно ловко просочилась в ту же щель, где сидел котенок. Хвостик дернулся и втянулся вглубь.

«Ха!» – сказала себе Тишка.

И рванула домой.

– Бабушка, у тебя есть рыба?

Она влетела на кухню встрепанная, мокрая как мышь.

– Рыба?

Бабушка Рая непонимающе улыбнулась. Она всегда улыбалась, если ее что-то ставило в тупик, как некоторые люди хмурятся или пожимают плечами. С точки зрения Тишки, ее улыбка была не совсем настоящей, или, вернее, не совсем улыбкой.

– Хочешь жареной рыбки, Яночка?

– Нет, бабушка, нет! Там котенок, а он совсем дикий, понимаешь?..

Ни слова не говоря, Раиса открыла морозилку, вытащила брикет серебристой мойвы и одним убедительным ударом ножа отсекла целый кусок. Слипшиеся рыбки были завернуты в пакет и вручены обомлевшей от радости девочке.

– Спасибо!

Тишка бросилась прочь, прижимая к себе вонючую рыбу.

Раиса дождалась, пока хлопнет входная дверь, и тяжело вздохнула. Бедная девчушка! Чумазая, глазастенькая, вечно где-то носится, шорты одни и те же каждый день, причем еще и велики... Стоит сделать замечание Тане, что ребенок неподобающе одет, как та взрывается. И почему кричит? Непонятно. Она ведь только спросила.

Или Леша, Юрочкин сынок. С утра до вечера рисует в альбоме. Рисует-то прекрасно, спору нет, но ведь это не дело! Мальчик должен гулять, знакомиться с девочками...

Вспомнив про девочек, Раиса помрачнела. По правде говоря, и Женьку, и Веронику она побаивалась. Сложно с ними. Скажешь что-нибудь Жене, а та отвечает, и вроде бы слова вежливые, но понимаешь, что тебя выставили на посмешище. Сама Раиса, может, и не догадалась бы, но Прохор начинал одобрительно смеяться и пару раз показывал Жене поднятый большой палец. Тут уж и дурак сообразит, в чем дело.

А Вероника молчит. Так молчит, что иной раз думаешь: хоть бы ты сказала уже наконец что-нибудь, пусть даже и двусмысленное, вон как сестра. А в другой раз глянешь на нее, и вдругшибает холодом мысль: а ведь славно, что ты молчишь, деточка, не надо тебе ничего говорить, держи-ка ты все свое при себе, всем проще будет.

Раиса Сергеевна перебрала детей своих сыновей и племянниц, мысленно вглядываясь в каждого. Только про Пашку она ничего думать не стала. На месте Паши у нее было одно большое белое пятно. Область на карте мореплавателей, вокруг которой стояли предупреждающие знаки: сюда не заходить! никогда, что бы ни случилось!

За дверью послышался шорох. Раиса выглянула в коридор и вздрогнула: прямо перед ней Вероника – таращится глазами своими, разве что зрачки не светятся в полумраке.

– Ты чего здесь? Проголодалась?

Вероника помотала головой. И стоит как стояла, смотрит выжидающе на Раису, словно хочет, чтобы та сама сообразила, что к чему.

– Принести что-нибудь?

Снова отрицательный жест.

– Ты уж сама тогда решай, что тебе нужно, – рассердилась Раиса.

Вероника улыбнулась.

Несколько смущенная, Рая вернулась на кухню, в глубине души чувствуя, что она все-таки ухитрилась сделать что-то не то. Спрятала мойву, вымыла руки, стерла натекшую с брикета лужицу.

И не удержалась – снова выглянула в коридор.

Она бы не удивилась, окажись Вероника на том же месте, где и была. Раиса воочию увидела: стоит девчонка в полумраке, распахнула глаза и смотрит на что-то в пустом пространстве перед собой.

Но никого снаружи не было.

2

Янина Тишко

2015 год

Я помню, с чего все началось.

С пирога, который бабушка Рая вознамерилась приготовить по новому рецепту.

Миндаль для выпечки привезла из города старуха Изольда. В поселке орехов было не достать, разве что соленых, под пиво.

Дарницкая отчего-то любила нашу бабушку. Она приходила в гости, когда вздумается, сидела в столовой, закинув ногу на ногу, и сложенным веером – веером! – нервно постукивала по тощему запястью.

Мне нравилось присутствовать при их беседах, хоть я ничего и не понимала. Говорила преимущественно Изольда. С годами до меня дошло, что в основном она рассказывала о своих любовниках и их дорогих подарках, пользуясь разнообразными эвфемизмами. Раиса слушала, кротко улыбалась, но что она думала обо всем этом, не мог бы сказать никто.

Однажды, глядя вслед удаляющейся Изольде Андреевне, бабушка внезапно пропела:

– Утро туманное, утро седое! Нивы печальные, снегом покрытые!

Я в изумлении уставилась на нее. У старухи Дарницкой голос хриплый, надтреснутый. А Раиса спела чисто и до того красиво, что дух захватывало.

Бабушка иногда преподносила сюрпризы. Каждый вторник и четверг по утрам скрывалась из дома с каким-то мешком, никому не говоря ни слова. Прохор спал до обеда, и Раиса успевала вернуться до того, как он спустится в столовую.

Когда я проследила, куда она ходит, изумлению моему не было предела. Литвиновская библиотека! Да, в поселке была библиотека и даже свой клуб, а еще центр культурного развития и досуга, на дверях которого висело лаконичное и грозное объявление: «На крыльце не бухать. Сторож».

Книг бабушка не читала. Зачем ей библиотека?

Выяснилось, что вместе с другими скучающими женщинами они лепят – из глины, гипса, пластилина, папье-маше – из чего придется. Два раза в неделю бабушка Рая превращалась в скульптора. Ничего нового придумать она не умела. Зато прекрасно копировала. Ее поделками были украшены стеллажи и подоконники.

– ...Нехотя вспомнишь и время былое! Вспомнишь и лица, давно позабытые!

Какой чудесный летящий голос! Голос, просыпавшийся в Раисе лишь тогда, когда рядом никого не было. Маленькая девочка не в счет.

Но это было еще до миндаля. А в тот день мы ждали Изольду, чтобы получить орехи и испечь на какой-нибудь ужин самый вкусный на свете пирог.

И Дарницкая явилась. Распространяя вокруг тяжелый аромат своих духов, протянула пакет с миндалем. Бабушка рассыпалась в благодарностях. Изольда плавным движением унизированной перстнями кисти пресекла ее речь. «Королева, – восхищенно думала я, наблюдая за ней. – Королева в изгнании!»

И тут в кухню вбежала Женька. Сияющая, загорелая, жизнерадостная.

– Здравствуйте, Изольда Андреевна!

Отхлебнула морс прямо из горлышка кувшина, игнорируя укоризненный бабушкин взгляд.

Дарницкая продолжала:

– И вот, Рая, я говорю ему: милейший, если вы полагаете, что я любительница поделочных камней, то вы глубоко заблуждаетесь...

– Нельзя назвать человека милейшим, если не хочешь его оскорбить.

Это заявила Женька. Вытерла губы тыльной стороной руки и уставилась на Изольду.

Я в это время сидела на подоконнике и читала «Хроники Нарнии». Бабушка Рая была очень снисходительна ко мне. Иногда мне казалось, я для нее вроде кошки: прихожу когда хочу, ухожу когда вздумается, никого не обременяю своим присутствием. Такое отношение раскрепощало. Мне нравилось, что на меня почти не обращают внимания.

На Женькиной реплике я оторвалась от книги.

Изольда медленно, как черепаха, повернула к ней голову на длинной морщинистой шее.

– Выйди, девочка, – с равнодушным холодом сказала она. – И не имей дурной привычки вмешиваться в разговоры старших.

Несколько секунд Женька оторопело смотрела на нее.

– Так вот, Раиса, я говорю...

Дарницкая непринужденно вернулась к беседе. Про Женю она забыла.

Понимаете, что произошло?

Женька всегда была в центре внимания. Дед подхватывал ее шутки. Дядя Юра обсуждал с ней рыбалку. Вениамин и его жена Тамара обращались подчеркнуто уважительно, как со взрослой.

А Изольда ее просто не заметила. Отмахнулась, как отмахиваются от мухи, на которую лень тратить шлепок газетой.

Никто не считается с мухами.

Женька получила не просто щелчок по носу. Двумя словами Изольда столкнула ее с иерархической лестницы, на которой Женька стояла несоизмеримо выше бабушки Раи, и отбросила к основанию, где копошилась серая масса. «Выйди, девочка!»! Это обезличенное «девочка» было хуже всего: оно показывало, что старуха не идентифицирует Женьку. Для нее не существовало яркой Женькиной индивидуальности, а был только некий подросток, который мешает разговору.

Непререкаемой своей интонацией Изольда перечеркнула всю Женьку целиком и властно расписалась внизу: «Внимания не заслуживает».

Женя повернулась и молча вышла.

Изольда забыла о случившемся раньше, чем закрылась дверь. Но Женька такое оскорбление не простила бы и через десять лет.

Она не собиралась мстить, нет-нет! Но поймите меня верно: Женька готова была соблюдать лишь те правила, которые установила она сама. Чужие для нее существовали только в качестве вызова.

«Я тебе докажу, что я есть, – решила Женя. – Ты меня увидишь в полный рост, старая сволочь! Запомнишь на всю жизнь, до самой смерти!» И лучшего способа, кроме как проникнуть в святая святых Изольды Андреевны, в ее дом, так тщательно оберегаемый от посторонних, она не нашла.

2

2000

– Выходим в десять! – крикнула Тамара, проносясь мимо. – Малышка, не забудь побрызгаться репеллентом!

Тишка проводила ее ошарашенным взглядом. Она только что вошла в гостиную. Ноги подкашивались, к горлу то и дело подступала тошнота. Призрак старухи с выпученными глазами маячил где-то слева и впереди.

Едва они выбежали из дома Изольды, девочка провалилась в спасительный туман. Не знала, куда они мчатся и что происходит вокруг. Очнулась лишь за старой соседской баней от того, что Женька трясла ее за плечи и по-взрослому, грубо материлась.

– ...уснула, что ли, ...?!

Тишка судорожно дернулась.

– Слушай сюда! Я иду домой первая, ясно? Ты – за мной, через десять минут. Я скажу, что была на пруду. А ты соври про лес, тебе поверят. Повтори!

– Я совру про лес, мне поверят, – механически повторила девочка. – Женя! Ты видела ее... Изольду?

На секунду ей показалось, что Женька вот-вот влепит ей оплеуху.

– Никого я не видела, – отчеканила она. – И ты не видела.

Десяти минут Тишка не выдержала. Хотелось поскорее к маме. К бабушке Рае. Даже к Прохору!

Но едва она вбежала в дом, на нее налетела жена Вениамина.

– Какой репеллент? – ошеломленно пробормотала девочка. – Зачем?

Тамара остановилась.

– Ты забыла, какой сегодня день? Ивана Купала!

Тут-то Тишка все и вспомнила.

Идея принадлежала дяде Юре. Кажется, ему не очень нравились развлечения, которые придумывает для них дедушка Прохор. Неделю назад Юра собрал всех детей и заговорщицким тоном сообщил, что их ожидает игра. Всю неделю они должны собирать подсказки, которые спрятаны в доме, а в ночь на Ивана Купала отправятся в лес. Будет карта – настоящая, старинная! На ней отмечено место, где зарыт клад. Если они найдут его, каждого ждет награда. А нет – значит, коробка с драгоценностями останется в земле, под корнями папоротника, что расцветает лишь раз в году.

Все увлеклись этой идеей. Особенно, к Тишкиному изумлению, Пашка. Он был слишком взрослый для такой игры, и сокровища в коробке не должны были его интересовать. А поди ж ты – носился по всему дому, выискивал подсказки и то и дело спрашивал, скоро ли можно будет увидеть карту. Дядя Юра посмеивался его нетерпению, однако Тишка видела, что оно ему льстит. Прохор постоянно твердит, что Юра скучный, как протухшая вобла. Пашка, получалось, живое опровержение.

– Не трогай! Положи на место!

Тишка вздрогнула. Это Женька кричит на Веронику. Старшая из сестер весь день после похода к Изольде сама не своя – рычит на всех, скандалит. Увидела, как Тамара выходит из бабушкиной спальни с коробкой, доверху полной украшениями, и кинулась к ней.

– Не смотри! – воспротивилась Тамара. – Будет сюрприз!

Именно она вызвалась собирать «таинственный клад». И получилось удачно. В красивую жестяную коробку из-под чая жена Вениамина сложила купленную в городе бижутерию: бусы из поддельного жемчуга, ожерелья, кулоны с цветными камешками, блестящие браслеты, приносящиеся золотыми, а еще несколько крупных старинных ключей от неизвестных дверей и перстни – массивные, с переливающимися стекляшками: синими, алыми, ядовито-желтыми. Взрослые рассмотрели содержимое коробки и решили, что для клада годится идеально.

Женька раскричалась, что не хочет сюрприза. «Я вам не маленькая! Это для них игра, не для меня! Я сейчас хочу посмотреть! Дайте сюда коробку!»

Но коса нашла на камень. Жена Вениамина только с виду улыбочивая и приветливая. Тишка один раз случайно подслушала, как Тамара разговаривает с собственным сыном, и будь у нее шерсть на загривке, она встала бы дыбом. Слова у Тамары были черно-зеленые, хлесткие и постреливали электрическими синими искрами.

– Ничего я тебе не дам, – не переставая улыбаться, сказала Тамара. – Терпи до вечера. Найдешь клад – получишь сокровище.

Скользнула мимо бледной от ярости Женьки и ушла.

Тишке было не до клада. Перед глазами стояла черная ломаная фигура, в ушах гремело хриплое дыхание старухи. В конце концов девочка не выдержала: сбежала из дома, добралась до своей липы, где было обустроено гнездо, свернулась в развилке, как котенок, и крепко уснула.

Очнулась, когда уже начало смеркаться. Сон оказался целебным. Жуткий призрак старухи перестал преследовать ее. Тишка немного успокоилась и решила, что обдумает случившееся завтра, на свежую голову.

А сейчас – вперед, за сокровищем!

Ночной лес шумел как море, и волны смолистого аромата накатывали на детей, бредущих цепочкой за одиноким огоньком. Впереди шел дядя Юра, неся фонарь, рядом с ним Пашка, следом Тамара и все остальные. Лелик нехотя тащился возле Тишки и то и дело прихлопывал комаров.

На тропе развернули общую карту, сложили подсказки. Казалось, деревья сверху внимательно вглядываются в перепутанные линии на пожелтевшей бумаге.

Происходящее увлекло всех, но Женька включилась в игру с особенным азартом. Если в энтузиазме Паши Тишке чудилось нечто фальшивое, то Женя как будто пыталась новыми впечатлениями отгородиться от старых.

– Смотрите, черная метка!

Метка оказалась шарфом, привязанным к сосне. На секунду Тишке показалось, что это шаль Изольды, и на нее снова накатил душный страх.

– Цветок, все ищем цветок!

– Разделяемся!

– Внимательно смотрите на свои карты!

Росистая трава, ветки, точно слепые касающиеся лиц, зеленые лапы папоротников, вспыхивающие под лучами фонариков... Тишка бесстрашно углублялась в лес, сверяясь со своей частью карты. Лелик остался где-то за спиной. Его кусали комары. Он шлепал себя по ногам и жалобно ругался на осатаневших кровопийц.

– Я нашел!

– Я тоже!

Среди стволов справа промелькнула тонкая фигурка Вероники. «Запуталась», – поняла Тишка. Лес – не ее стихия. Веронике бы в воду, где плывет туман над кувшинками и мерцают болотные огоньки.

– Вероника! Иди сюда!

Через пару минут к девочкам прибился Лелик. Они с Вероникой молча признали Тишкино главенство. Она уверенно вела их от одной метки к другой, опережая и Пашку, и Женьку. Взрослые следовали за ними в отдалении, и Тишка не видела, какими недоверчивыми взглядами обмениваются друг с другом Тамара и Юрий. Оба предполагали, что с Таниной дочкой возникнут сложности: маленькая, испугается, начнет домой проситься... А вместо этого, похоже, вот-вот наткнется на клад.

– Цветок!

Дружный радостный вопль Лелика и Вероники подтвердил их предчувствия.

Роль папоротника играл цветущий декабрист, заранее купленный в городе. Пока взрослые подбежали к нему, дети успели ладонями расшвырять рыхлую землю.

– Вот же лопата!..

Но и без лопаты уже наткнулись на неглубоко зарытую коробку. Зажгли еще два фонаря, распахнули крышку, и в их свете содержимое засверкало как настоящие драгоценности. Дружный вздох восхищения сорвался с губ.

– Первое украшение по праву достается лучшему следопыту – Яне!

Тамара бережно достала из коробки кулон с маленьким зеленым стеклышком и повесила на шею Тишке.

– Ух ты! Красота!

– А что это за камень?

– Э-э-э... изумруд! – нашлась Тамара. Кулон, кажется, сунула в шкатулку Татьяна в последний момент, а может, и Раиса, она не обратила внимания.

Тишка не могла отвести взгляда от подарка. Волшебный!

– А можно его мне? – жадно спросила Женька. – Он к моему платью подойдет.

– Этот – нет. Но ты получишь жемчуг с морских глубин!

Женьке вручили браслет из белых пластиковых бусин и такое же колечко. Девочка скривилась.

Ключ от всех дверей забрал Лелик, Веронику одарили заколкой с «рубинами», Пашка долго колебался, но в конце концов выбрал перстень с драконом и торжественно надел на средний палец.

– Дядя Юра, смотрите!

Пока Юрий разглядывал дракона, взгляды Пашки и Тамары скрестились. Тишке показалось, что трава между ними вот-вот вспыхнет. Сын с матерью смотрели друг на друга не дольше секунды – и одновременно отвернулись.

– Янка, давай меняться!

Женька поравнялась с девочкой.

– Твой кулон – на мой браслет! И впридачу еще кольцо!

Тишка отрицательно качнула головой. Кулон был не игрушкой, а лесным подарком. Не важно, что это не настоящий изумруд, а всего лишь стеклышка. В ней живет лес: солнечный свет над соснами, сияние росы в утренней траве. Все хорошее, что случилось с Тишкой за последние две недели, кулон вобрал и сохранил в своей зеленой сердцевине.

Женька не отставала.

– Ты его потеряешь! Дай сюда!

Тишка остановилась и уставилась на Женьку с такой враждебностью, что та замолчала.

До определенного момента Тишка выглядела милым, хотя и странноватым ребенком. Но у ее покладистости были пределы, и тот, кто натыкался на них, чувствовал себя как человек, гулявший по поляне и неожиданно врезавшийся лбом в стену.

Лес – Тишкино царство, мир ее безмятежности. Волшебная страна. Здесь отец не кричит на маму, не швыряет вещи в распахнутую пасть чемодана. Здесь мама не наставляет, как лучше понравиться деду, и не смотрит при этом такими жалкими глазами, что хочется отвернуться. И вот частичку этого мира у нее хотят отнять.

– Ладно, одолжи на время, – сдалась Женька. – Я с платьем надену и верну!

– Нет.

– Ну чего тебе стоит? Ты что, жадина, что ли?

«Это ты жадная», – мысленно сказала Тишка. В эту секунду она ясно поняла, что Женька привыкла всегда получать то, что ей хочется. В моменте присвоения чужого было для нее больше радости, чем в самом владении. «Она хочет кулон не потому, что он ей нравится и к чему-то подходит. А потому что он мой».

– Да! – отрезала Тишка. – Злая и кусачая.

Она оскалила зубы.

– Дура, – пробормотала Женька и отошла.

«Может и дура, – мрачно согласилась девочка. – Зато с кулоном».

И спрятала свою драгоценность, висевшую на цепочке, под футболку – поближе к телу.

Утром Тишку разбудили петухи и двери. Петухи голосили, двери хлопали, солнечный луч тянулся по полу, и день обещал быть не таким уж и плохим. Тишка вбежала босиком в столовую и остановилась.

Что-то было не так. Раиса всхлипывала, мать повторяла:

– Боже мой, какой кошмар... Какой ужас!

– Что случилось?

Взрослые помолчали.

– Несчастье, – наконец сказала Тамара. – Изольда Андреевна погибла.

3

Поселок дрожал, волновался и перебрасывал из конца в конец страшные подробности. Старуху Дарницкую убили и ограбили в ее собственном доме.

Тело нашел сын, и он же, как поняла Тишка из намеков взрослых, был и основным подозреваемым. Шепотки тлели и таяли. «Сигнализация у нее везде... Кто бы еще мог отключить!.. Да он ее ненавидел...»

Оказалось, что далеко не все слухи были лживы. У Изольды Дарницкой действительно хранились дома драгоценности, оставшиеся в наследство еще от той, прошлой жизни, где были выступления, гонорары и щедрые почитатели ее таланта и красоты.

Все исчезло. Старуху нашли мертвой возле двери – кто говорил, что с проломленным черепом, кто делился подробностями о ножевом ранении, которое благодаря двум свидетелям (ничего не видевшим, но обо всем знавшим) превратилось в многочисленные раны, нанесенные озверевшим преступником. Что было на самом деле, оставалось только гадать. Следователь ничье любопытство удовлетворять не собирался, а от расспросов вскоре озверел так, что сам, кажется, готов был схватиться за нож.

Тишку с Женькой тоже опросили, как и прочих детей. Незадолго до этого к Тишке, вставшей от ужаса в какое-то оцепенение, подошла Женька. Сквозь зубы процедила:

– Если спросят, откуда в доме Дарницкой наши отпечатки, говори, что была в гостях. Помогала ловить сбежавшую кошку.

Страх немного отступил. Больше всего девочка боялась именно этого: найдут отпечатки и обвинят в убийстве. Женька выкрутится, а Тишку приговорят к смертной казни. Господи, мама не переживет!

Но, кажется, смертная казнь пока откладывалась. Следователь Тишкой не заинтересовался, вопросы задавал ей формально, об отпечатках не упоминал. К тому же рядом сидела мама. При ней было спокойнее.

Всем детям запретили уходить далеко от дома. Немедленно распространились слухи, что вокруг поселка орудует банда.

Тишка молчала. Замкнулась в себе. Тролль был в доме старухи, дикое порождение земли и мрака, но рассказывать об этом она никому не станет. Ей не поверят.

В ее собственном доме, когда первое потрясение прошло, к убийству отнеслись на удивление хладнокровно. Тон задавал, конечно, Прохор.

– Удивительно, как ее раньше не пришили.

– Провоцировала! – поддакнул Вениамин.

– Нельзя своим богатством людям в лицо тыкать, – задумчиво сказал Пашка. – Доведешь их до греха.

И получил в награду за сентенцию одобрительный взгляд деда.

Глава 5

1

Янина Тишко

2015 год

Ночью мне казалось, что по дому кто-то ходит. Я знаю, старые перекрытия могут скрипеть так, что не отличишь их разговор от вздохов и стонов. Но шаги были на удивление отчетливыми.

Во сне я коротко поспорила сама с собой. Одна часть меня предлагала немедленно взять битую и отправляться выгонять вора. Вторая сонно кивала и говорила: сейчас-сейчас, вот только поспим немножко – и пойдем! Закончилось все очень просто: я вспомнила, что никакой биты у меня нет, и облегченно провалилась в сон.

Утром вокруг дома белел такой плотный туман, будто кто-то решил сварить из поселка крахмальный кисель. В комнатах застоялся сырой воздух. Я включила отопление посильнее и, ежась, полезла в шкаф.

Там пахло лавандой. Рука моя вслепую нащупала что-то в стопке вещей, и на свет показала шаль – черная шерстяная шаль с длинной серебристой бахромой.

Я вскрикнула и отшвырнула ее с таким ужасом, словно это был гигантский паук. Шаль приземлилась в пыльном углу и оттуда тускло и угрожающе посверкивала ниточками люрекса.

Ладони у меня разом вспотели. Накатила дурнота, и я вцепилась в край столешницы. Комната поплыла, стены раздвоились и снова сошлись вместе, но что-то необратимо изменилось в рисунке обоев. Сквозь них проступили очертания горбоносого старушечьего лица, качнулись перья на широкополой шляпе, и в комнату вплыл сладкий аромат духов, вызывающий в памяти образ кучи подгнивших яблок.

Дурманный запах, безумный, затягивающий, как воронка.

Я покачнулась и, кажется, потеряла сознание.

Когда я пришла в себя, за окном по-прежнему белело тусклое молочное варево. Я подняла шаль, заодно отметив, что совершенно перестала мерзнуть, и с трудом доплелась до дивана.

Призраки являются откуда не ждешь.

Шаль, наверное, принадлежала не Изольде, а бабушке. Я сложила ее – мне пришлось сделать усилие, чтобы заставить себя прикоснуться к ней, – и спрятала в шкаф.

Завтрак был скуден: чай и бутерброд. Анпогаки, анпогаки... Вяленая хурма не выходила у меня из головы.

Раиса могла бы наколдовать такую хурму. У нее хватило бы терпения и мять, и вымачивать, и подвешивать на веревочках. Рая любила готовить. «Любила» – неверное слово. Как многие хорошие хозяйки, бабушка неосознанно наделяла дополнительным смыслом все свои рутинные действия. Порезать яблоки, замесить тесто, обжарить лук – в этом было древнее шаманство, каждодневный заговор на благополучие и крепкую семью. В мытье полов привносился оттенок сакральности – где чисто, там и хорошо. Стирка оборачивалась магическим ритуалом: отмоешься грязное, заплещутся на ветру белоснежные простыни, точно стяги. Да здравствует порядок, перед которым отступает хаос!

Чем сильнее сгущались тучи над нашей странной семьей, тем отчаяннее натирала бабушка Рая и без того блестящие половицы, тем исступленнее выпекала блины и с какой-то

безумной щедростью поливала их жидким медом – словно шаман, возносящий молитвы суровому божеству, чтобы тот смилостивился, отвел беду, ублаготворенный медом, блинчиками и накрахмаленными занавесками.

Не домашнее хозяйство это было, а камлание. Никто из нас тогда этого не понимал.

Может быть, один лишь Прохор.

Но он был слишком занят.

Дед испытывал нас, как будущий владелец испытывает щенков, прикидывая, из кого вырастет самая дельная собака. Однажды он едва не перешел грань – в тот день, когда мы все отправились на берег реки и Прохор затеял швырять в воду палку. «Вы должны опередить соперников! – заявил он. – Доплыть, схватить и вернуться обратно!»

И мы плыли, хватали и возвращались, а он хохотал на берегу и хлопал в ладоши.

Но это было придумано слишком грубо, слишком в лоб. Моя мать, узнав о нашем походе, едва не ушла из дома, подняв меня посреди ночи. Прохору стоило больших трудов ее удержать. И тогда он понял, что переборщил. Он ведь не ставил целью оскорбить нас – всего лишь развлечься.

Кроме того, ему всерьез хотелось выбрать себе внука. Лучшего из всех! Такого, которого он осыплет дарами, разовьет в нем способности. А тот продлит его славу, станет живым напоминанием о величии Тульского Зодчего.

Конечно, Прохор мог бы завести собаку. Но у собаки, даже самой умной и злой, все-таки не тот масштаб. Дрессировать человека гораздо увлекательнее.

Кое-кто из нас охотно принимал условия игры. А другие ничего не понимали и просто участвовали во всех предложенных забавах.

Лишь много позже я осознала, каково приходилось моей матери. С одной стороны, она прекрасно видела, что ее девочка – аутсайдер и в гонке за симпатию деда ей вряд ли светит победа. Но Прохор временами так явно выражал восторг моими способностями, что она начала верить в лучшее. В конце концов, я была ловкой, крайне самостоятельной, много читала... Особенно последнее, по мнению матери, должно было подкупить деда. Как-никак писатель!

Сейчас мне смешно вспоминать об этом. В одном у меня нет сомнений: кто действительно вызывал его восхищение, так это Пашка.

У Пашки были темные жесткие волосы, крепкие скулы, хитрый взгляд. Что меня больше всего поражало (и, думаю, Прохора тоже), так это то, как такой сын мог вырасти у Вениамина с Тамарой.

Стоит мне закрыть глаза, и я вижу их: тощий Вениамин с куцей бороденкой и гибкая Тамара с тонкими руками, унизанными медными браслетами. Вениамин в двадцать лет сменил фамилию и из Савельева стал Варнавиным. «Духовный практик Вениамин Варнавин» – звучит!

Еще в юности он ударился в самопознание, открывал чакры и чистил карму, долго стоял в разных не очень удобных позах на рассвете и на закате и в конце концов решил, что фамилия Савельев ослабляет его потенциал. Могу себе представить, в какое бешенство пришел Прохор. Он, конечно, выгнал Веньку и запретил приближаться к отчому дому.

Но – вот сюрприз! – Вениамину это не причинило ни малейших страданий. Любимый младший сын, обожаемый Раисой, вырос пофигистом и циником. На отцовские ценности он плевал, книг Прохора не читал, любовь его заслуживать не собирался. Венька жил в свое удовольствие. Уверена, он без зазрения совести брал деньги у матери, – дитя цветов и прочих растений, включая коноплю.

Рассорившись с отцом, он уехал в Питер и обосновался там. Хипповал, бродяжничал, просветлялся. Набрал учеников. Разогнал учеников. Проходил подозреваемым по какому-то мутному уголовному делу. Открыл свою школу, куда набирал беременных женщин и учил их впитывать дыхание земли. Когда беременные отрожали, создал группу для похудения после родов – в общем, довольно грамотно вел дела.

Одно время Варнавин подсел на наркоту, но потом ему встретилась Тамара, и ее гибкие змеиные руки обхватили его очень крепко. Как дедка, бабка, внучка, Жучка и кошка вместе взятые, она выдернула эту репку из гнилой ямы.

Через год они поженились.

Тамара называла себя художницей. Не припомню, чтобы хоть раз видела ее рисующей. Но у них обоих, как у многих бездельников, была крепкая практическая жилка, подсказывавшая, на каком из окрестных деревьев растут питательные бананы. Тамара красила волосы хной, рисовала на себе индийские татуировки, ходила босиком по росе и ставила на лбу бинди. Много курила, носила просвечивающие юбки-марлевки, звенела браслетами и потрясаясь двигалась.

Когда я увидела ее в первый раз, то подумала, что это женщина-змея. Плавность ее движений была невероятной. Тамара не шла, а перетекала из точки в точку всем своим гибким худым телом.

Надо сказать, Венька, несмотря на то что напоминал тощий бурдюк с костями, тоже отличался пластичностью движений.

А еще обладал даром убеждения. Разумеется, он был пустослов. Но, во-первых, пустослов неглупый, то есть понимающий, кому можно предлагать по дешевке его набор жизненных истин, а с кем рядом лучше промолчать. Великое умение! Во-вторых, в его интонациях тайлось что-то невероятно убедительное. Будь эта способность развита в Вениамине сильнее, я бы сказала, что он без пяти минут гипнотизер. Но, к счастью для окружающих, природа одарила его не слишком щедро, иначе группа «Путь Варнавина» насчитывала бы не триста человек, а триста тысяч.

Чем они занимались, толком никто не знал. Тамара рассказывала об их путешествиях по Средней Азии, по местам «силы». Маленького Пашку они сначала возили с собой, потом стали оставлять у друзей или особо приближенных учеников. Поездки за них оплачивали другие. У Тамары с Венькой всегда получалось устроиться так, что им кто-нибудь помогал. При этом обучение в школе Варнавина стоило немалых денег.

В целом эти двое жили как птицы: не пахали, не сеяли и снесли за всю жизнь одно яйцо, из которого вылупился мальчик Паша.

К деду с бабушкой его, как и меня, привозили последний раз совсем маленьким. Я нашла фотографию в альбоме. Тогда у Павлуши ещё были светлые, в отца, волосы, толстые щеки, подобающие трехлетнему человеку, и круглые вопросительные глаза.

Поразительно, что при таких родителях он вырос в цепкого, хитрого парня, внешне простоватого, почти деревенского, но всегда себе на уме.

А может, в этом и нет ничего странного. Игла нырнула на изнаночную сторону, протянула стежок в одно поколение и вынырнула снова, чтобы черты деда запечатлелись во внуке.

Мне вспомнились шаги, звучавшие ночью в мансарде.

– Надо установить лимит на призраков, – пробормотала я и пошла к лестнице.

Одна комната, вторая. Я отпирала двери, и меня встречала пыль и запах старого белья. Здесь царило запустение. Конечно, Раисе под старость было не под силу прибираться наверху. Вряд ли она вообще поднималась сюда.

Третья дверь отказалась распахиваться. За ней находилась комната, некогда стоявшая пустой – та самая, из окна которой я выбиралась на крышу. Я надавила еще раз. Повернула ключ и убедилась, что замок открыт. Рассердившись, толкнула сильнее. Дверь неожиданно подалась, словно ее дернули изнутри, и я едва не упала.

Комната была загромождена какими-то заклеенными скотчем коробками. Сбоку валялся матрас, а прямо передо мной стояла, кутаясь в длинный серебристый пуховик, моя двоюродная сестра Женя.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга.

– Холодно тут у тебя, – нарушила молчание Женька.

Я обвела взглядом комнату. Вещи грудой на стуле, две старые газеты, пара кроссовок...

– Завтракать пошли, – сказала я. – Там еще бутерброды остались.

Пока Женька ела, я украдкой разглядывала ее.

– Что, постарела? – хмыкнула Женька, не отрываясь от чашки с чаем.

Я мысленно посчитала, сколько ей сейчас. Двадцать девять.

Многие в этом возрасте выглядят девчонками. Женька производила впечатление зрелой женщины. Ее дерзкая красота никуда не делась, но почему-то не обрела законченности. Та же короткая стрижка ступеньками, карие глаза с золотыми искрами, четкий рисунок губ. «Легко представить ее кинозвездой», – подумала я. Звездой, которая не прошла кастинг.

– Рассказывай, – попросила я.

– Что рассказывать?

– Слушай, не прикидывайся. Что ты здесь делаешь?

Женька передернула плечом. Это тоже был жест из прошлого.

Забавно – я чувствую себя так, будто это Женька застала меня в своем доме, а не наоборот.

– Живу я тут, – вздохнула она.

– Живешь, – кивнула я. – Ага. Давно?

Женька сначала доела бутерброд и лишь потом согласилась посвятить меня в подробности.

Она сдала свою квартиру. Ей нужны были деньги: она в очередной раз потеряла работу – то ли ее сократили, то ли уволили, я не вдавалась в детали. Раисе требовался уход, и Женька рассчитала, что старушка протянет не меньше года. Предприимчивый ее ум подсказал, что год простоя квартиры – неоправданная роскошь в ее положении.

А Раиса возьми да умри раньше.

Женька оказалась в неприятной ситуации.

– Я договор с ними подписала. Обязалась предупредить о выселении за два месяца. Иначе с меня штраф!

– Большой?

Судя по тому, как Женька скривилась, денег этих ей было жаль.

– Да и нехорошо выгонять людей из жилья, не дав им времени найти новую квартиру, – вслух подумала я.

Она удивленно глянула на меня, словно эта мысль не приходила ей в голову.

– Короче, два месяца, – вздохнула она.

– А сколько уже прошло?

– Ну, когда Раису похоронили? Три недели назад. Вот считай...

– И ты месяц собиралась здесь жить?

– Я надеялась, что ты не приедешь, – невозмутимо ответила Женька.

У меня рвался с губ вопрос: «А вот я приехала – и что теперь?», но задать его я не успела. В дверь позвонили.

– Никуда не уходи, – глупо сказала я.

На крыльце стоял парень лет тридцати, с рюкзаком, в тонкой шапочке. Невысокий, с приятным лицом. Кажется, про такие принято говорить – интеллигентное.

При виде меня он стащил шапочку, и два розовых уха освобожденно распахнулись мне навстречу.

– Лелик? – ахнула я.

– Здравствуй, Яна.

Пока они обустроивались в своих комнатах, я закрылась на кухне и принялась вдумчиво варить кофе. Не люблю этот напиток. Но меня успокаивает запах молотых зерен и сам процесс. Мне нужно было подумать.

Уже двое из нашего семейства после смерти Раисы оказались в ее доме. Трое, считая меня.

И ведь Женька не слишком удивилась, когда увидела Лелика. Вот будет забавно, если следом за ним явится ее младшая сестра. Интересно, кто вырос из маленькой русалки?

Лелик изложил цель своего визита сразу же и выглядел искренним.

– У меня издательство. Маленькое. Пока! – он улыбнулся. – Мы выпускаем в том числе молодых прозаиков. Ты знаешь, что Прохор продвигал тульских ребят?

Я покачала головой. Нет, меня никогда не интересовала деятельность Зодчего.

– В Туле жил один парень, Даня Кузнецов. Очень талантливый. Он уже умер, к сожалению. Мы хотим издать сборник. Часть рассказов обнаружилась в его архиве. Кузнецов не признавал компьютерную печать, все тексты писал от руки в тетради. Его мать рассказала, что две таких тетради он отправил Прохору.

– И ты хочешь их найти?

– Если ты позволишь. Пожалуйста! Кузнецов ужасно крутой! – Лелик умоляюще сложил руки. – Готов написать на сборнике, что он вышел исключительно благодаря Янине Тишко.

Я улыбнулась и покачала головой:

– Посвящения не надо. Ищи своего Кузнецова. Хотя здесь столько хлама, что не знаю, как ты собираешься откопать в нем две тетради.

Лелик так явно обрадовался, что у меня потеплело на душе – первый раз с того момента, как я переступила порог дома.

Впрочем, теперь он был не Лелик, а Алексей. Уверенный в себе парень с внимательным взглядом.

В отличие от Женьки, он занял ту же комнату, где жил пятнадцать лет назад. Я постучалась и поставила на стол чашку с кофе.

– Почему ты раньше не приехал? Пока жива была Раиса.

Если мой вопрос и застал его врасплох, он ничем этого не выдал.

– Я всего пару месяцев как узнал о Кузнецове.

– А, ясно.

Я повернулась, чтобы выйти.

– Яна!

– Что?

На долю секунды мне показалось, что он колеблется, собираясь мне что-то сказать. Что-то важное.

– Спасибо за кофе! – улыбнулся Лелик.

Глава 6

2000 год

1

– Ты Яну не видел?

Татьяна пересекла поляну и остановилась перед Юрой, сидящим в гамаке с книгой.

– С девочками играет, – не задумываясь, ответил тот.

– С нашими?

– Ага.

Он был совершенно уверен в своих словах. Девочки действительно всего час назад бегали вокруг, мельтешили, мешали ему сосредоточиться. Их было так много! Двое подростков, по убеждению Юрия, никак не могли создавать столько шума и суеты, так что он безотчетно приписал к двум раздражающим фигуркам третью.

Татьяна немного успокоилась.

– Самостоятельная. – В голосе ее звучала сложная смесь осуждения и гордости. – Все время что-то исследует. – И без перехода спросила: – Юра, зачем ты здесь?

Он отложил книгу, поднялся, внимательно глядя на нее сверху вниз.

– С нами-то все понятно, – добавила Татьяна. – А вот тебя каким ветром занесло?

Он усмехнулся. Танька не меняется. Короткая стрижка, мужская линия подбородка, губы всегда плотно сжаты, словно кто-то может потребовать выдать военную тайну – и тут-то Танька покажет свой стойкий характер. Женщина с лицом военнопленного.

– Сразу к делу переходишь?

– А чего тянуть, Юр? Давай, выкладывай!

Он собирался ответить честно, потому что из всей его родни, пожалуй, только Татьяна заслуживала правды. Юра всегда уважал ее и немного жалел. Уважал – потому что она была из породы атлантов и всю сознательную жизнь удерживала на плечах тяжеловесный мир. Жалел – по той же причине и еще из-за того, что понимал, насколько людям ее характера не дается благословенное умение жить легко. Он и сам был из таких, из трудяг-муравьев, и своих определял с легу.

Вот Венька с Тamarой – легкие. И Людка легкая, хотя внешне и выглядит как баржа в кудряшках. А им с Татьяной не судьба танцевать дивный стрекозиный танец, даже вздумай господь снабдить их парой прозрачных крыльев. Они и с крыльями примутся таскать тяжести и делать запасы на зиму. Потому что первичными для муравья являются два чувства: страх и ответственность.

Вот в чем главное отличие от этих, из племени стрекоз. Стрекозы – они непуганые.

– Все очень просто... – начал он.

И тут из кустов вывалился Вениамин.

Татьяне, смотревшей на Юру, показалось, что на его лицо при виде брата с лязганьем упало железное забрало. Она внутренне поморщилась. Дрянная все-таки вышла тогда история с Гектором...

– О-о, благородное собрание! – широко заулыбался Венька. – Что обсуждаем, кому кости перемываем, какие строим козни? Сознвайтесь!

– Увидимся, Тань, – сухо сказал Юра.

Провожая уходящего брата взглядом, Вениамин поцокал языком:

– Как у него корона на голове держится, объясни мне, Танюха? Ей же нимб мешает!

«Начинается», – подумала Татьяна. Но оно никогда и не заканчивалось. Просто из некоторых воспоминаний потоком времени вымывает насыщенность цвета; краски тускнеют, переживания блекнут и остаются в памяти лишь словами, не чувствами. Как ярлычки на коробках, в которых давно уже нет содержимого: высохло или растворилось.

А потом вдруг эту коробку вытряхивают тебе на голову и оказывается, что она полным-полна грязи и седой собачьей шерсти.

– Веня, вы большие мальчики. Разбирайтесь без меня.

– Боже упаси, никаких разборок! – рассмеялся он. – Шучу я, Танечка, шучу! Или ты от Юрки заразилась невосприимчивостью к смешному?

– Угомонись.

Вениамин перестал улыбаться.

– Ты тоже считаешь, что тогда с Гектором была моя вина?

Удивительно, как ему это удастся: неприятным голосом говорить до того проникновенно, что и не хочешь отвечать, а все равно ввязываешься в разговор. Видимо, сказывается опыт общения с паствой или кто там у него.

– Какая разница, что я считаю! – Татьяна все-таки разозлилась. – Не нужно впутывать посторонних в вашу историю!

– Посторонних?

От веселого удивления в его голосе ей стало не по себе.

– Ну что за глупости, – пожурил Вениамин. – Посторонние, Танюша, в этом королевском забеге не участвуют.

– Почему в королевском?

– Норвежский писатель Асбьёрнсен. Написал сказку про кроликов. – Вениамин прикрыл глаза и продекламировал: – «Пастух свистнул разок в дудочку, и все зайцы сбежались на лужайку, да еще и выстроились рядами, как солдаты на параде»¹.

Он открыл глаза и глянул на нее с насмешливой проницательностью.

– Если ты шагаешь строем и бьешь в барабан, не притворяйся зевакой. Или решила смелить ампула и записаться в идиотки? Так это место занято Людой. Не сбрасывай ее с пьедестала. У тебя-то выбор есть, а ей больше некуда податься.

Подмигнул и пошел, виляя тощим задом.

Татьяна опустила в кресло, которое занимал Юра. Настроение было испорчено безвозвратно.

– Говорит, сказка про кроликов, а сбежались-то зайцы, – вслух сказала она.

Но мысль об ошибке Вениамина не принесла утешения.

«В любой момент я могу уехать». Собственно, прямо сейчас и стоит это сделать, не откладывая в долгий ящик. Дождаться дочь, сообщить Прохору, что срочно вызывают на работу, – и бегом на электричку.

Он, конечно, после такого демарша вычеркнет ее из списка живых, но зато...

– Татьяна!

Она вскинула голову, глядя, как он идет по тропе: подпоясанная белая рубаха, в руке коса. Не будь Татьяне так тошно, она бы рассмеялась. Косит, значит. И даже ясно под кого. Под Льва Толстого косит Прохор Савельев, причем под Толстого времен Ясной Поляны. Мало ему нынешней славы Тульского Зодчего! Хочется масштабных ассоциаций и таких параллелей, чтобы дух захватывало. И дом себе поставил – не дом, а декорации к бытию великого писателя земли русской. И жену выбрал – кроткую, бессловесную, глупую, зато красивую и с русой косой до пояса (уж не по косе ли выбирал? фотогенично, и потомки будут ахать и восхищаться). И

¹ Цит. из П.А. Асбьёрнсена «Королевские зайцы»: пер. Н. Вишневской.

всячески утверждает себя в памяти свидетелей как могучего старика, эдакий столп современной литературы, мастодонта, силищи необыкновенной и пронизательности нечеловеческой.

«И ведь верят, вот что страшно».

Татьяна смотрела исподлобья, как Прохор идет к ней, и думала, что помри он сегодня – и завтра соседи начнут рассказывать о нем легенды. Да что там, он уже сейчас воплощенный миф.

Но ведь и в самом деле могуч. Даже на расстоянии чувствуется, какая от него исходит сила. «Мы рядом с ним кажемся безжизненными сопляками, – подумала она. – Все, кроме детей. У них энергия по другой шкале измеряется, не в его единицах».

– А что это ты от всех спряталась? – мягко пожурил Прохор.

– Разве спряталась? – через силу улыбнулась она. – Просто тихо здесь. Хорошо.

«Сказать про отъезд, сказать сейчас же!» Она открыла рот, чтобы соврать о работе...

– Скучно тебе у нас, Танюша? – неожиданно спросил старик. – Маешься, котенька моя?

Татьяне показалось, что ее ударили под дых.

Вот так вот. Умом все понимаешь, а все равно к горлу подступает ком. Как будто тебе снова пять лет, и мама наказала, а ты бежишь к дяде Прохору, который хватает, подкидывает в воздух, целует в нос, обещает пряники и карусель, а пока тихонечко от мамы возьми-ка «Школьную» в клетчатой синей обертке, да спрячь, дурочка, спрячь! съешь за баней, вот и умница... ну беги, котенька, беги...

Десять лет спустя: кладбище, снег, от могильщиков разит перегаром, и на всю жизнь у Татьяны этот запах станет ассоциироваться со смертью. За спиной шепоток вьется поземкой: «– ...двух девок... – ...а вторая где? – Вон, с Раей... – ...никого не щадит... – ...и не говорите, ох, какое горе... – ...поздно нашли, а я всегда повторяла, что...»

Грузная фигура проступает из снеговой завесы. Одним взглядом Прохор изгоняет глупых жалельщиц и наклоняется к ней. «Ничего, котенька, ничего». Тяжелая рука на ее плече – как якорь, не позволяющий шторму вырвать корабль из порта и утопить в ледяном море.

Вот так: одно слово, и в тебе снова оживает то, что казалось давно отмершим.

Татьяну охватила жалость. Старый ведь он, Прохор. Ей впервые пришло в голову, что он наверняка болеет, в его возрасте и без болезней – это фантастика. Только никому не признается. Может, потому и собрал всех своих, потому и детей упросил привезти. Все хорохорится. С косой расхаживает!

Сколько он уже не писал? Последняя книга вышла пять лет назад. С тех пор занимается только чужими рукописями, привечает каких-то неряшливых юнцов, пристраивает странные их повестушки на публикацию.

Целыми днями расхаживает по саду с реквизитом в руках, притворяется, что занят делом. Играет в хозяина земли, если не в бога – с него ведь станется, с замахом и амбициями у него всегда все было хорошо! Глава семейства, патер фамилиас. Но и это ведь ложь. Никогда вокруг него не было многочисленного клана родни. Всех разогнал, включая собственных сыновей. Веньке-то хоть бы хны, он сам для себя солнце и звезды. А Юрка до сих пор искалечен этой отцовской нелюбовью. Впрочем, старшему сыну Прохора Савельева ударов судьбы хватало и без отца.

– Вовсе я не маюсь, – бодро сказала Татьяна. – Работается мне здесь хорошо. Янка счастлива, поправилась на два кило. Не выдумывай!

Призрак электрички помахал длинным хвостом и растворился вдалеке.

Она, размякнув, встала, поцеловала Прохора в лоб и сама почувствовала, каким правильным был этот внезапный и несвойственный для нее порыв.

– Про Яну я и хотел с тобой поговорить. Слушай, она у тебя плавать умеет?

– Умеет...

– Вот и славно! – кивнул Прохор. – На реку пойдем завтра. Хочу ребятишек развлечь, а то от вас с Юркой и Веником проку, как от ишаков на скачках. Так что готовься, мамаша: дитяtko твое узреет великого Нептуна!

Ответно с громким чмоканьем поцеловал ее в лоб и размашисто перекрестил, явно издеваясь.

– Хорошо, что ты задержишься! Повеселимся, а, Танька?

Глядя ему вслед, Татьяна подумала, что она, кажется, временно спятила. На нее напал темный морок, искажающий образы и стирающий из памяти числа. Какая еще старость? О чем она думала, упиваясь собственной сердобольностью? Ему шестьдесят пять лет! И коса у него – не реквизит, а самый что ни на есть рабочий инструмент. Достаточно вспомнить свежескошенное поле за баней.

Повеселимся, значит...

2

– Мам, давай уедем.

Татьяна удивленно обернулась к дочери. Тишка стояла на пороге и ковыряла пальцем трещину в косяке.

– Почему? Тебе здесь не нравится?

Девочка помолчала.

В Литвиновке хорошо. Дом по ночам поет и рассказывает сказки. Лес шумит, радуясь ей.

– Нравится, – выдавила она.

– Тогда в чем дело?

Дочь не отвечала.

– Тебя кто-то обидел?

Тишка удивленно подняла глаза. Кто ее может обидеть?

– Тогда я не понимаю, что за капризы, – резче, чем следовало, сказала Татьяна.

Господи, сколько можно! Она из кожи вон лезет, старается, и не ради себя, а ради ребенка. Но этот ребенок сам не знает чего хочет.

А ведь Прохор определенно симпатизирует Янке. За завтраком похвалил ее наблюдательность. Вчера лично выбрал для нее книгу из своей библиотеки и подсунул со словами: «Прочитай, потом обсудим». Никому из внуков он такого не предлагал.

– Это из-за смерти Изольды Андреевны?

– Нет.

– Черт возьми, Янина! Или объяснись, или перестань трепать мне нервы!

Тишка молча шагнула назад и исчезла.

Как объяснить предчувствие, что готовится что-то плохое?

Сначала она тоже думала, что все дело в Изольде. Что делала Женя, пока Тишка оставалась в комнате с мертвой лисой и живыми котами? И почему старуха оказалась дома, хотя должна была уйти?

Но вскоре стало ясно, что причина совсем в другом.

Девочка взбежала по лестнице в мансарду. Под крышей было огромное пространство, разбитое на четыре комнаты. Теперь-то она знала, что в самую первую ночь стучалась в дверь, которая вела в кабинет Прохора. Эту комнату называли лабораторией. Дед изредка брал фотокамеру и уходил бродить по поселку. Вернувшись, запирался наверху: проявлял, печатал, сушил снимки. Доступа туда никому не было. Там же он изредка работал, хотя компьютер стоял в гостиной, на видном месте, в окружении исписанных листов, которые, кажется, много лет никто не трогал.

Еще две верхних комнаты заперты. Бабушка говорит, там хранятся старые вещи. Ключ от них есть только у Прохора.

А одна стоит пустая. Из нее собирались сделать бильярдную, но дед передумал, и теперь она открыта: хочешь – танцуй, хочешь – спи. Привлекала Тишку не сама комната, а скат крыши, на который можно было выбраться из окна. Внизу малинник, сверху солнце: лежи себе и грейся как ящерица.

Тишка перелезла через подоконник и растянулась на теплом ребристом шифере.

Нет, дело, определенно, не в Изольде. С ее смерти прошла уже неделя, и каждый новый день смывал волной страшные воспоминания.

Дело в Пашке.

Девочка сама не могла бы объяснить, откуда в ней эта убежденность. Но она многое бы отдала за то, чтобы сын Вениамина и Тамары не появлялся в Литвиновке.

Взрослые его любят. Пашка умеет нравиться. Перед Прохором крутится на турнике и бесстрашно прыгает с обрыва в реку. Дед ценит силу и радуется: «Настоящий мужик растет».

Дяде Юре предан, как сеттер хозяину. Каждый день на рыбалку с ним ходит с раннего утра. И вечером ошивается возле Леликового отца, забыв про собственных родителей.

Тете Люде и Тишкиной матери ненавязчиво помогает. Тут стул перенесет, там поможет землю в малиннике рыхлить. Милый, улыбчивый, скромный. Трудяга, но при этом не дурак.

Славный парень.

Ох, как же этот славный парень не нравился Тишке!

Время от времени она ловила на себе изучающий взгляд темных глаз. Пашка к ней при-сматривался. Оценивал. Прикидывал, каковы ее шансы понравиться деду.

Женька тоже все прекрасно понимала. Но она сама из победителей, ее Пашкины игры только забавляют.

Вероника, кажется, вовсе его не замечала. Скользнет по нему сонным взглядом – и плывет себе дальше.

А вот с Леликом дела обстоят паршиво.

– ...Не лезь к моему отцу!

– А то что?

– А то врежу.

Тишка, лежавшая на крыше, тихонько ахнула.

– Ушами нахлопаешь? – засмеялся Пашка. – Вали отсюда! Воин...

Девочка подползла к краю и осторожно высунула голову. Стоят возле малинника друг напротив друга: тщедушный светлоголовый Лелик и коренастый Пашка в своей кепке.

– Думаешь, я не понимаю? – голос Лелика дрожит, но не от страха, а от злости.

– Чего?

– Ты подлизываешься. Ко всем! К папе моему!

– Я твоего батю исключительно уважаю! – протянул Пашка. Издевательские интонации в его голосе сменились почтительностью. Переход был такой резкий, что сама почтительность эта прозвучала еще большей издевкой. – Хороший он человек! Побольше бы нам таких, глядишь, и все в стране пошло бы на лад...

Ерничает, поняла Тишка.

– Я скажу отцу, кто ты такой, – осипшим от волнения голосом пообещал Лелик.

Пашка почесал затылок.

– А кто я такой? – простодушно осведомился он. – Расскажи и мне, что ли.

– Врун ты, вот кто!

– Да брось! Кому я соврал?

– Всем врешь! Отцу – что тебе рыбалка нравится!

– Очень нравится. Как приехал сюда, полюбил ее всей душой. И отца твоего полюбил.
– У тебя свои родители есть! Их и люби.

Пашка помолчал.

– Я бы рад, – доверительно сказал он. – Только душа у меня уж больно широкая. Все в нее помещаются. А ты папку не жалея, не жалея. Его на всех хватит. И на меня, и на тебя... Хотя тебе-то, конечно, немного достается, но тут уж ты сам виноват...

Лелик сжал кулаки и пошел на противника. Тишка перевернулась, съехала на животе, уцепилась за водосток и спрыгнула вниз.

– Ого! – Пашка от неожиданности даже попятился. – Телки с неба падают!

Девочка схватила Лелика за руку.

– Не дерись с ним! Он тебя же выставит виноватым!

– Плевать!

– Да пусть дерется, – посоветовал Пашка. – Лишь бы не обосрался. Вон будет...

Тишка оттащила Лелика, который набычился и рванул вперед.

– Стой!

– Отпусти! Я ему врежу!

– Ты что, не видишь – он этого и добивается!

Лелик немного пришел в себя. Заморгал, словно очнувшись, и перевел на Тишку недоумевающий взгляд.

– А я ведусь, да?

– Ведешься! – кивнула Тишка. – Как дурак!

– Скучно с вами, детки, – огорчился Пашка. – Ладно. Бывайте.

Подмигнул и вразвалочку почесал к калитке.

– Он знает, что папа собирается взять на воспитание ребенка.

До Тишки не сразу дошло, что сказал Лелик.

– Что?!

Мальчик устало потер переносицу.

– Они с мамой всегда хотели двоих детей.

Он запнулся и с сожалением посмотрел на Тишку.

Вот как ей объяснить? Нет, она хорошая. И смешная! Мышам разноцветные ленточки повязала – говорит, чтобы различать их. Но она и представить не может, каково это – жить с отцом, который вознамерился совершить добрый поступок. Последние три месяца только об этом и твердит. «Алексей, ты взрослый! Алексей, ты поймешь!» Сначала искал в детских домах маленьких детей, а потом уцепился за идею взять уже подросткового пацана. Осчастливить его, значит. Дать ему все. Лелик с ужасом ждал того дня, когда отец приведет в дом чужого парня, от которого будет пахнуть казенным бельем, и скажет: «Вот тебе братик, Алексей! Люби его и уважай».

«Тебя на одного-то не хватает! – мысленно орал на отца Лелик. – Вечно пытаешься заставить меня участвовать в том, что тебе нравится! Рыбалка эта! Походы байдарочные! Хоть бы раз в жизни сделал то, что хочется мне, а не тебе!»

Хотелось простого: чтобы отец принадлежал ему одному. Нет, если женщину соберется завести – пусть. Про такое Лелик знал и не то чтобы одобрял, но не противился. Только не другого мальчишку! «Он ведь памятью о маме только прикрывается. А сам ищет мне замену. Потому что я неудачный. Бракованный».

И тут – Пашка! Идеальный сын.

– Чего ты несешь?! – прошипела Тишка и от злости даже толкнула Лелика в плечо. – Совсем спятил? У Пашки мать с отцом есть! Он же не сирота!

– Пока нет.

Тишка поперхнулась на полуслове.

– Что?
– Пока не сирота, – отчетливо повторил Лелик.
Девочка хватанула воздух ртом.
– Пашка, он ведь расчетливый, – задумчиво сказал мальчик. – Вдруг с его родителями что-нибудь случится! А тут готовая замена.
– Что? Что с ними может случиться?
– Мало ли. Смертельная болезнь. Или тормоза у машины откажут.
– Какой машины? – крикнула Тишка. – У них нет машины!
– Вот именно. А у папы есть. «Ауди». И Пашка это отлично сечет.
Тишка хотела сказать, что Лелик совсем свихнулся, надо ему больше на свежем воздухе бывать... Но мальчик уже ушел.

3

Прохор запер дверь на два оборота ключа. Дети шныряют повсюду! Что поделать, издержки его развлечения. Пару раз ему казалось, что кто-то подсматривает, и он шел проверить. Но всякий раз темнота не скрывала в себе ничего, кроме пустоты.

Но что еще хуже – кажется, кто-то рылся в его вещах. Книги на полках стоят не в том порядке. Бумаги, грудой лежавшие на столе, сдвинуты.

– Или старею, паранойя догоняет? – вслух спросил он себя.

Нет, не стареет. Форун даст обоим сыновьям. Во всем.

С одной стороны, обидно. Слабовато его семья.

С другой, он все-таки нашел выход. Не в детях обретет продолжение, так во внуках.

Это Райка испортила его кровь, развела ее своей жиденькой трусливой водицей. Юрка получился болезненный, его Прохор и за мужчину не держал. Что это за Савельев, который от цветов кашляет, от березы чихает! Порченный.

А второй сын уродился хоть и веселым, но безвольным. На все ему плевать. Ни честолюбия, ни амбиций, а мужик должен хотеть весь свет завоевать! Все города сжечь, всех баб перетрахать! Вот тогда он – настоящий, а не пальцем деланный.

В дверь поскреблись.

– Заходи, – сказал Прохор.

Потом вспомнил, что сам же запер ее на ключ.

Он впустил человека, стоявшего снаружи, и внимательно оглядел лестницу.

– Тебя никто не видел?

Гость покачал головой.

– Раздевайся.

Шорты, рубашка, носки, трусы... Прохор скользнул взглядом по обнаженной фигуре, задержался на плоском животе...

– Ложись.

Подготавливая все к предстоящему действию, он снова чуть не забыл про дверь. Ключ щелкнул дважды. В последний момент Прохор едва удержался от желания еще раз выглянуть наружу и проверить, не стоит ли кто на лестнице.

Все-таки старый стал. Мнительный.

– Кто-нибудь догадывается, что ты здесь?

Человек, лежащий нагишом на кровати, отрицательно качнул головой.

– Скажешь кому, убью, – спокойно пообещал Прохор. – Ты меня знаешь. И кстати, больше по лестнице не приходи. Только через чердак.

Он все приготовил и включил лампы.

Мысль о собственном дряхлении засела в голове.

– А я ведь баб всегда любил, – доверительно сказал он. – И бабы всегда меня любили. Умные, красивые – всякие. А живу с дурой Райкой. Знаешь почему? Она под меня создана, как вот дом этот или сад. Знает, когда водочки подлить, когда помолчать, когда сказать. Все привычки мои помнит до муравьиной мелочи. Я себе ерундой голову не забиваю, для ерунды у меня Рая есть. А с другой бабой что? Ну, любовь. Любовь молодым хороша, им все равно больше делать нечего, да они ничего и не умеют. А тем, кто умеет, нужно другое.

Он подошел, сел на край дивана. Заглубевшим пальцем провел по атласной щеке.

– Боишься? Правильно! Меня и нужно бояться.

Он удовлетворенно погладил узкое плечо.

– Я ведь с тобой что хочу сделаю. Захочу – раздавлю. Захочу – возвышу. Главное, слушайся меня. И молчи.

Лежащий на кровати человек покорно кивнул. Он и без того не проронил ни слова, но Прохор, казалось, этого даже не заметил.

– Вот и молодец, – он потрепал гостя по щеке. – А теперь потерпи. Это будет долго.

Глава 7

2000 год

1

Пирог с миндалем получился горьким. То ли орехи оказались испорченными, то ли прогоркла мука, но корж оставлял на языке отчетливый привкус полыни.

Раиса квашней расплылась на стуле. Плохой пирог – это больше, чем неудача. Это предупреждение. Одни гадают на кофейной гуще, другие читают будущее по линиям ладони, а она – по еде. Единственное, что всегда выходит таким, как она задумала, это ее стряпня. Идеальное совпадение замысла и результата.

И вот – горький миндаль.

Раиса бы взвыла в голос, если б умела, но громко плакать она боялась и лишь тоненько захныкала. Беда приближается к их дому. Сначала Изольда, теперь пирог... События эти имели для Раисы равное значение. Смерть Дарницкой не взволновала ее сама по себе. Но она была отчетливым предвестником несчастья. Что-то дурное творится в тихом мирке их поселка, если по соседству с тобой убивают людей. И совсем все идет наперекосяк, если из твоих рук вышел горький пирог.

И ведь не расскажешь никому, поднимут на смех.

Думаешь, соль просыпалась – это ерунда? Разбилась тарелка, тесто не поднялось, в варенье попала косточка – случайности?

Это пророчество. Твой мир, который ты лелеешь и оберегаешь, говорит с тобой на понятном тебе языке. Слушай его, если хочешь жить в этом мире.

Раиса не умела молиться. А если бы умела, обращалась бы не к небесам, а к духовке.

– Рая! Ты что, плакала?

Люда стоит в дверях, таращится недоуменно.

– Да что ты! Просто лук терла!

– А-а-а... Ну ладно. Слушай, Веронику не видела?

Как не видеть, видела. Узкое кухонное окно выходит в сад, из него соседский дом – как на ладони. Живут там двое: отец и сын, иногда к ним наезжает мать. Мальчику восемнадцать, он студент. Отцу, Илье Сергеевичу, чуть за сорок.

Вчера Раиса мыла посуду, подняла глаза и заметила младшую дочь Люды на крыльце рядом со студентом. И не просто рядом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.